

Ф.А. Щербина

ИСТОРИЯ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

История казачества

Федор Щербина

**История Кубанского
казачьего войска**

«ВЕЧЕ»

1913

Щербина Ф. А.

История Кубанского казачьего войска / Ф. А. Щербина —
«ВЕЧЕ», 1913 — (История казачества)

Книга знаменитого казачьего деятеля, исследователя и литератора Ф.А. Щербины расскажет читателям об истории Кубанского казачьего войска, о его быте, о схватках с горцами Кавказа, о том, как в течение столетий казачество выживало в непростых условиях. Вашему вниманию предлагается сокращенная версия прекрасного двухтомника, увидевшего свет накануне Первой мировой войны.

© Щербина Ф. А., 1913

© ВЕЧЕ, 1913

Содержание

Введение	5
Глава I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Федор Щербина

История Кубанского казачьего войска

Введение

В науке принято подразделять прошлое человечества на два отдела – на историю и предысторию. Первая обнимает жизнь людей со времени появления о них письменных источников, вторая касается первобытного человека. Но исторически и первобытный или доисторический человек одинаково вращались в естественной обстановке, среди природы в разнообразных ее проявлениях. Исторические условия, вытекавшие из взаимоотношения людей, тесно переплетались поэтому с условиями естественно-историческими, составлявшими обстановку природы. Эта точка зрения была положена автором в основу утвержденной военным министром программы по «Истории Кубанского казачьего войска».

История казачества была бы не полна и не планомерна без истории края, без знакомства с естественною обстановкою и условиями, при которых пришлось жить и действовать казаку.

Настоящий первый том «Истории Кубанского казачьего войска» обнимает собою собственно историю края и заселения его казачеством.

Кубанский край, разделенный рекою Кубанью на две части – горную и степную, отличается разнообразием и богатством естественных условий. Благодаря этим условиям и выгодному положению края, здесь обитал человек с незапамятных времен и сюда всегда тяготели народы, проходившие мимо Кавказа.

Есть основание предполагать, что в самую отдаленную от нас эпоху – в палеолитический период каменного века – жил уже здесь дильювиальный человек. Существование первобытного человека на Кубани в следующий неолитический период каменного века подтверждается многочисленными данными доисторической археологии.

Аналогичные указания по этому предмету кроются и в основе кавказских мифов. Прометей, давший огонь людям, несомненно был представителем их в самые отдаленные от нас времена. В мифах об одноглазых великанах сохранились следы людоедства, характерные для людей каменного века. Сказания об амазонках обнимают ту часть предыстории, когда у людей существовали коммунальные брачные отношения, перешедшие потом путем эволюции в позднейшие формы семьи и брака. Наконец, в легендах о богатырях воплощена героическая эпоха первобытных людей, создавших сложные и близкие уже к историческим формы жизни. Некоторые богатыри, как Редедя, были заведомо историческими личностями.

К представлениям о богатырях народ приурочил многочисленные исторические памятники, встречающиеся в Кубанской области и Черноморской губернии. Это дольмены или богатырские хаты, представляющие собою гробницы людей неолитического периода, как об этом свидетельствуют археологические находки – костяки людей, способы погребения и предметы домашней обстановки.

Вероятными строителями дольменов были киммерийцы, обитавшие на Кубани и по берегам Азовского и Черного морей. Об этом народе, как и о древних скифах, остались в истории смутные воспоминания. Несомненно, однако, что обе народности принадлежали к одному и тому же корню арийцев.

Колыбелью арийцев принято считать Азию, но в Азии оказалась только одна отрасль арийцев – индоиранцы, небольшая по численности и незначительная по культурному развитию группа. Между тем в Европе установлено шесть арийских групп, многочисленных, высококультурных и связанных между собою сходством языка: греки стоят по языку ближе всех к итальянцам, итальянцы к грекам и кельтам, кельты к итальянцам и германцам, германцы к кель-

там и литве, литва к германцам и славянам, но между славянами и греками как бы выпало одно лингвистическое звено, которым замыкался бы общий круг арийских наречий. Такой язык, близкий, с одной стороны, к славянскому, а с другой к греческому, оказался у древних индусов, потомки которых – индоиранцы – обитают в Азии. Очевидно, что именно предки индоиранцев вышли из Европы в Азию, так как трудно предположить, чтобы от маленькой индоиранской народности, жившей будто бы в глубине Азии в Бактриане, отделилось целых шесть мощных народов, прошедших Азию и занявших всю Европу.

Данные кубанской предыстории усиливают вывод о колыбели арийцев в Европе. До Р. Х. не было ни одного случая передвижения народов из Азии на север Кавказа. Прародитель греков Прометей находился на Кавказе у Эльбруса, а его сын Девкалион с женой Пиррой ушли отсюда к юго-западу в Грецию и восстановили здесь, после потопа, род человеческий. Таким образом, в легенде этой как бы кроются намеки на то, что когда-то одна часть арийцев осталась на Кавказе, а другая подвинулась отсюда на юг. С тех пор остались указания, что с севера, с Кавказа, ходили люди на юг, в Азию, а не наоборот. Древние писатели и пророк Иезекиль передают, как народ Гот, или скифы, делали набеги на обитателей Малой Азии, как скифы преследовали в том же направлении киммерийцев, как вообще Северный Кавказ и Кубанская область считались странами, имевшими своих коренных обитателей.

Такой страной, удобной для колонизации и торговых сношений с местными народами, признали Кавказ и древние греки. В IV веке до Р. Х. они основали ряд торговых колоний по Черноморскому побережью – на Кавказе и в Крыму. В ряду этих колоний скоро приобрело первенствующее значение Босфорское царство, расположенное по обеим сторонам Таманского пролива и существовавшее почти целое столетие. Средоточием торговых сношений и военных сил служил собственно Таманский полуостров, с греками во главе; а главную массу населения составляли скифо-меоты, обитавшие обособленными группами в нынешней Кубанской области.

Первой по времени исторически известной народностью, пришедшей на Кубань извне, были готы, также арийцы, жившие раньше в Швеции и на берегах Балтийского моря. Они были предшественниками и единоплеменниками варягов, основавших Русь, и жили на Северном Кавказе с III по VI век. Готы принесли на Кубань христианство и одновременно с местными народностями были покорены гуннами.

Собственно готов нельзя считать новой расой, так как они были арийского происхождения. Чуждая арийцам народность явилась в первый раз на Кавказе в лице гуннов, принадлежавших к монгольской расе, а за ними уже следовали в смешанном порядке тюрки и монголы.

Гунны появились на Кубани в конце IV столетия, вышли из глубины Монголии в 372 году, разбили, в своем стремительном натиске, на Кавказе аланов, предков нынешних осетин, и прошли отсюда дальше в Западную Европу, слившись с аланами и скифами. Это было первое нашествие азиатских кочевников на коренное население Кавказа и Европы.

За гуннами, в VII веке, следовали хазары, вышедшие также из Восточной Азии и занявшие Северный Кавказ, Таманский полуостров и Крым. Особенно усилились они в VIII столетии; с IX столетия власть их ослабела и они были частью покорены, а частью вытеснены новыми кочевниками Восточной Азии – печенегами. В это время появилась на Кубани третья народность – торки. Все эти народности были тюркского происхождения. Сначала хазары, в союзе с торками, вытеснили печенегов с Северного Кавказа обратно за Волгу; но позже печенеги покорили хазар и в течение X столетия были господствующим племенем в южнорусских степях и Кубанской области, а в начале XI столетия их вытеснили сначала на Дунай и затем на Балканский полуостров торки.

Торки недолго оставались в Кубанской области и вообще в южной России; они были покорены половцами.

Последний натиск тюркских народностей из Азии через Кавказ на Европу представляло нашествие половцев, занявших юг России, половцы сосредоточили свои главные силы в устьях Дона и степях, примыкавших к нему со стороны Кавказа и Волги. Здесь в 1184 году они разбили русских в известной битве на р. Калке, а 40 лет спустя, в свою очередь, были побеждены и почти уничтожены монголами.

В то время, когда из Азии через Северный Кавказ шли в Европу полчища кочевников – сначала гунны, за гуннами авары и венгры, далее печенеги, торки и половцы, аборигены края продолжали оставаться на местах. Часть их ютилась в горах Северного Кавказа, а часть подавалась севернее к южнорусским степям. Так уцелели на Северном Кавказе, с одной стороны, потомки киммерийцев черкесы, а с другой – потомки скифов – славяне.

Последние, славяне, получившие уже название русских, прочно были связаны с кубанскими местами еще с конца X века. В 965 году русский князь Святослав, ходивший походом на Дон и в Крым, пробрался к берегам Кубани и, победивши здесь черкесские племена – яссов и косоогов, овладел Таманским полуостровом, или Тмутараканью. Русские господствовали здесь до 1127 года, когда половцы овладели Босфорским царством. Столетием позже русские вместе с половцами подпали под власть монголов.

Монгольским игом, точно туманной пеленой, покрываются страницы Кубанской истории. Что делалось в эту эпоху в Кубанской области и на Северном Кавказе – трудно сказать. Но впоследствии оказалось, что киммеро-черкесы остались на своих местах. Более того. Когда пала Золотая Орда и обессилели монголы, – черкесы объединились с татарами.

Но в это время на арене Кубанской истории появляется новая народность, явившаяся сюда с запада. Это были генуэзцы. Пора владычества кочевников проходила. На смену шла культура, принесенная западноевропейскими мореплавателями и торговцами. Генуэзцы заняли бывшее Босфорское царство и вошли в близкое соприкосновение с черкесами, насаждая между ними христианство и развивая торговые сношения.

В период расширения торговой и культурной деятельности генуэзских колоний в Крыму и на Кавказе началось влияние турок на кавказские народности. Покопивши татар, они повели деятельную пропаганду ислама между ними и черкесами. В течение 275 лет, начиная с 1479 года, когда крымский хан Менгли-Гирей принял протекторат Турции, и оканчивая 1774 годом, когда, по Кучук-Кайнарджийскому договору, кубанские степи перешли во владение России, турки номинально и фактически были властителями Северного Кавказа и Кубанской области.

Вот в эту-то эпоху, по крайней мере в течение двух столетий с половиной, между русскими войсками и воинственными народностями Северного Кавказа начинаются длительные кровавые столкновения. Россия шаг за шагом подвигалась к Кавказу. Передовыми бойцами в этой продолжительной борьбе были казаки.

Казачество к тому времени сформировалось уже во многих местах – на Днепре, на Дону, на Урале и по Тереку. Прототипом этих казачьих войск послужила запорожская казачья община. Запорожская Сечь состояла из товарищества равноправных воинов, объединенных совместной жизнью и защитой русской народности и религии. В основе ее лежало выборное начало и несложная внутренняя жизнь казачества под непосредственным контролем всех равноправных членов общины.

В 1775 году под влиянием стремления к централизации русского правительства, последним была разрушена Запорожская Сечь, как свободный союз вольного казачества. Одна часть обездоленных запорожцев перешла в Турцию, основавши в устьях Дуная турецкий Запорожский Кош, а другая разбрелась по разным местам южной России. Когда же в 1787 году возникла вой-на России с Турцией, тому же русскому правительству потребовались для военных целей лучшие разведчики и знатоки местных военных условий – запорожцы. Бывшим запорожским старшинам – Сидору Белому, Антону Головатому и Захарии Чепиге – Потемкин поручил собирать сичевиков в «волонтерные команды». Казаки дружно откликнулись на этот

призыв. В течение 6 месяцев, с 20 августа 1787 года по 31 января 1788 года, собравшиеся запорожцы составляли уже настолько внушительные силу, что князь Потемкин, главный виновник разрушения Запорожской Сечи, немедленно, одним почерком пера, обратил «волонтерные команды» в «казачье войско», заменив первое название вторым. И так же естественно, под давлением живой действительности, Потемкин сразу допустил появление у войска традиционных кошевого атамана, войскового управления, старшины и обычного у запорожцев военного строя из конницы, артиллерии, пехоты и гребной флотилии. Таким образом, по своей внешней организации войско напоминало Запорожскую Сечь; недоставало ему самого главного – собственных земельных владений.

Призванные на службу запорожцы принимали самое деятельное участие в войне с турками, заявив себя целым рядом выдающихся подвигов и неутомимой службой передового разведочного отряда. Войско получило название «Войска черноморских верных казаков», в отличие от «неверных» казаков, перешедших в Турцию. Черноморцам временно была отведена земля между Днестром и Бугом, и во время войны они начали уже устраиваться на указанных землях. Но урок, данный запорожцам разрушением Сечи в 1775 году, и щедрая раздача правительством земель представителям военно-административного мира, заставили казаков искать таких мест, где можно было бы закрепить за войском землю навсегда. В этих видах черноморцы задумали перейти с Буга на Кубань.

Раз наметивши эту цель, войско с замечательной последовательностью провело задуманный план. На собранной по этому поводу раде казаки постановили просить земли на Фанагории или в Тамани «с окрестностями оной». В этом духе написано было прошение на Высочайшее имя и выработана инструкция депутатам, избранным для посылки в Петербург. Во главе депутации стоял войсковой судья А.А. Головатый. Этот замечательный деятель сумел осуществить желания войска, как они выражены были на Войсковой Раде, в прошении и в инструкции. Формула о пожаловании войску земли в Тамани «с окрестностями оной» внесена была целиком в жалованную грамоту войску от 2 июля 1792 года. На Черноморское войско, подчиненное в отношении управления таврическому военному губернатору, возложена была охрана границ России по р. Кубани «от набегов народов закубанских».

Заселение края производилось в течение двух лет – в 1792 и 1793 годах. Войско и войсковое население были подразделены на четыре части и каждая часть передвинута была из-за Буга на Кубань особо. Но самое расселение войска на новых местах было соединено с большими затруднениями.

Вместо того, чтобы предоставить способы размещения переселенцев всему войску, в лице избранных им для этого представителей, войсковое начальство произвело расселение по личному своему усмотрению. Три лица – кошевой атаман Чепига, войсковой судья Головатый и войсковой писарь Котляревский – приняли на себя самозваную роль учредителей и законодателей порядков войска, роль, не предоставленную им ни Высочайше пожалованной грамотой, ни другим каким-либо законодательным актом, ни полномочиями от войска. Уничтоживши совершенно традиционные формы самоуправления Запорожской Сечи, высшие казачьи власти составили и преподнесли войску свой законодательный акт под именем «Порядка общей пользы». Этим актом войско лишено было выборного начала и общественного контроля над действиями властей. Оставлены были лишь внешние формы запорожского устройства и учреждений, и изъята была душа их – Войсковая Рада.

Тяжелую годину пережило Черноморское войско в это время. Вследствие неудачного выбора войсковыми правителями пунктов расселения, казакам пришлось по несколько раз переносить с места на место целые куренные селения. Требовалось все завести и создать заново. Экономическая жизнь и хозяйственные начинания выразились поэтому в самых скромных и примитивных формах. Войсковые средства и повинности, внутренний и семейный быт, судебные установления, религиозные нужды, умственные потребности – все это лишь зарож-

далось, оформлялось и росло или чахло в зависимости от окружающих условий и внешнего разрушения старинных казачьих порядков. Под влиянием «Порядка общей пользы» казачья старшина явно выделилась в особый класс, захвативши в исключительное пользование лучшие войсковые земли и уголья, всячески эксплуатировала служилых казаков и куренное население, не в меру преследуя сословные интересы в ущерб интересам всего казачества.

На почве экономического слабосилия казачьей массы и сурового угнетения ее правящей старшиной возник так называемый персидский бунт. Казаки, похоронившие в персидском походе половину своих товарищей, голодные, ничего не имущие и обобранные старшиной, выразили свои претензии в письменной жалобе войску. Но эти справедливые требования казаков войсковой атаман Котляревский и старшина искусственно раздули в бунт. Это был заключительный акт казачьих вольностей, похороны казачьего самоуправления и старинного народного уряда. Старшина окончательно свела счеты с рядовым казачеством, занявши место правящей администрации.

Одновременно с заселением Черномории велась колонизация и Старой Линии, примыкавшей к Черномории с востока. Сюда шли не вольные казаки, как это было у черноморцев, а вопреки исконным казачьим обычаям и порядкам служилые полки, отбывшие, сверх срока, очередную военную службу на Линии. Эта несправедливая мера взволновала всю Донщину.

Волнения донцов начались пятью годами раньше персидского бунта у черноморцев, но, выразившись в более резкой форме, по общему своему характеру они поразительно напоминают волнения черноморцев. Казаки отстаивали свои старинные права и привилегии, верили в высокую правду Петербурга, послали посланцев к царице и крепко стояли за свои казачьи порядки. Когда же ожидания казаков не оправдались, исконные казачьи порядки были поломаны и правда, с точки зрения казака, была поругана, – дело перешло в открытый бунт и вооруженные сопротивления. До кровопролития, однако, не дошло; казаки смирились; зачинщики были наказаны; но и правительство ограничилось переселением на Кубань трети казаков, оставив остальные две трети их на родине на Дону.

Волнениями двух войск – Донского и Черноморского – заканчивается собственно история края. Казаки, потерявшие свои вольности, осели на местах тех самых аборигенов, от которых, быть может, произошли. В предлагаемой Истории Кубанского края проведена общая связующая нить смены одних народностей другими, смены, восходящей к отдаленным временам первобытного человека и предыстории. Как последнее звено в этом непрерывном ряде народов, казаки заняли край при иных исторических и международных условиях сравнительно с условиями жизни предшествовавших им народностей. Казакам предстояло поэтому заново, применительно к изменившейся исторической обстановке, создать позднейшие формы жизни.

Богатый естественными дарами Кубанский край обилен и историческими памятниками пребывания в нем людей. На обширных его пространствах природа и люди оставили много неизведанных еще тайников старины. Но, с одной стороны, динамические законы природы, непрерывно то созидающие, то разрушающие естественную обстановку всего живущего, а с другой – дерзкая рука человека-хищника потревожили уже драгоценные богатства этих тайников. Одни из них совершенно разрушены, безвозвратно утеряны для людей, другие сильно повреждены, обесценены для науки. Казачество, изведавшее, в силу исторической необходимости, все муки борьбы, кровопролития, насилий и разрушения, умело, однако, созидать лучшие по времени формы социальной жизни и проявлять творческие способности в области мирной деятельности. И теперь, в лице своих передовых представителей, оно может бороться с хищничеством и вандализмом, разрушающими памятники старины. Время не ждет, и история родины говорит своим детям: пощадите мои памятники, сберегите мои сокровища!

Глава I

Борьба русских войск и казачества с горцами и татарами

Стремление славян и русских к Кавказу имело за собой глубокие исторические причины. Борьбе из-за Тмутаракани предшествовало пребывание славян в Предкавказье, а этому периоду более отдаленные времена единения славян с аборигенами Кавказа – арийцами. Правда, это предположения, покоящиеся на ограниченном историческом материале, но только допустивши их, можно понять особенность тех отношений к Кавказу славяно-русов, которые возникли в темную доисторическую эпоху и прошли красной нитью в последующие времена вплоть до наших дней. Кавказ, или, точнее, Предкавказье, славяно-русы всегда считали своим. С кавказскими народностями у них не только велись войны, но и поддерживались определенные связи. Чем отдаленнее было историческое время, тем прочнее были, по-видимому, эти связи. Русские князья женились на горских княжнах, а русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала жен на Кавказе. И лишь тогда, когда появились в Предкавказье народы тюркского происхождения и когда турки, принявшие ислам, привили его и к кавказским горцам, – возникла глубокая рознь между славяно-руссами и кавказскими горцами. На религиозной вражде к русским черкесы объединились с турками и татарами.

Впрочем, много значила в этом отношении не только религиозная рознь, но и известная степень культурного состояния у различных народностей. И горцы, и татары одинаково считали военные грабежи обычным способом добывания материальных средств. Самую ценную добычу для них представлял ясырь, русские пленники и пленницы, которыми торговали черкесы, татары и турки. Таким образом, религиозная ненависть усугублялась чисто экономическими побуждениями. С точки зрения религиозного фанатизма, русский был для черкеса, татарина и турка «гяур», неверный, с точки зрения экономической – доходная статья и сам лично, и его скот, и имущество.

Если с своей стороны русские платили противникам тем же, то постоянная их заботливость сводилась к удержанию Предкавказья за собой и к недопущению политического могущества здесь тюркских народностей. Этот основной политический мотив неоднократно и ярко отражался потом на отдельных эпизодах продолжительной и упорной борьбы русских не столько с горцами, сколько с турками и татарами.

Когда в 1559 году турецкий султан Селим, начавши войну с Персией, решил провести свои войска через Азов до Астрахани, а отсюда Каспийским морем до Ширвани, то русский царь Иоанн Грозный, не желая иметь вблизи сильного соседа в лице турецкого султана, в случае удачи его военного плана, приказал воспрепятствовать проходу турецких войск от Азова до Астрахани. И донские казаки вместе с русскими войсками «силой отогнали турок» с занятого ими пути на Астрахань. Этим простым актом определились дальнейшие планы русского правительства на Кавказе.

3 ноября 1722 года император Петр Первый послал особую грамоту на Дон по этому предмету. «В видах предосторожности от прихода кубанцев и других орд», решено, согласно мнению военной коллегии, посылать в степи для разведывания команды «с добрыми командирами», которым поручалось иметь с турками и татарами «ласковое обхождение по мирным трактатам, яко с приятелями следя однако за ними». «Ежели, – говорится далее в грамоте, – случится для лучших всяких ведомостей посылать шпионов, то посылать как на Кубань, так и в Крым под образом купцов». В особой приписке к этой грамоте Донскому войску приказано быть в готовности к походу против закубанцев.

1 января 1723 года войсковой атаман Василий Фролов доносил Петру Великому, что он послал на ногайскую сторону к Кубани восемь человек «бозовых татар» – Салтыгтана Астаева с товарищами. Посланные пробрались в таманскую резиденцию Копыл и узнали, что Кубанский Бахтыгирей Салтан с служителями своими находился за Кубанью при р. Битле и что там по за Кубанью кочевала и его татарская орда. Султан приказал татарам, чтобы они кормили лошадей и были готовы к походу, но куда – никто не знал. Слухи ходили, однако, между копыльским населением, что поход кубанской орды подготавливался против русских, на случай, если бы переговоры русских и турецких комиссаров, происходившее в ту пору, не привели к взаимному соглашению.

В среде самих татар и горских племен не было также мира и согласия. Родовые распри, случайные столкновения, взаимное соперничество, притязания на господство сильных над слабыми, набеги и проч. – все это вело к розни и ссорам между народностями, обитавшими по обе стороны Кубани. 31 октября 1723 года Артемий Волинский донес военной коллегии о целом ряде таких фактов.

Кабардинский владелец Арсланбек Татархан Кайсым Беков писал Волинскому, что Мусосовы дети привели в Кабарду крымское войско, что войска этого «пришло, яко саранчи», и оно отнимает у них «хлебную сторону, и что поэтому ни скота, ни живности у них не стало и остались так, как сироты, и во всем голодны».

Сам Арсланбек находился во вражде с Али Мурзиным, сыном Каншава, так как последний разорял его, соединясь с крымским ханом, а Арсланбек разорял Каншава с калмыцким войском. Волинский распорядился, чтобы терский комендант через посланных особо нарочных узнал, насколько справедливы сообщения Арсланбека, о котором ходили слухи, что он хотел искоренить всех кабардинских князей, чтобы быть одному владельцем. За содействие Бахты-Гирей Салтану Арсланбек обещал по два ясыря со двора.

В особом доношении от того же 31 октября Волинский сообщил в военную коллегию полученное им от 29 октября известие, что на Кубани между татарами произошла ссора: был убит брат Бахты-Гирей Салтана, а этот последний в отместку убил четырех кипчацких мурз, о чем Бахты-Гирей и сообщил крымскому хану. Посланные ханом войска взяли Крым, весь кипчацкий улус, с тремя тысячами населения, и кроме того, охотой последовало в Крым тысяча кибиток этсанцов.

Показания в этом духе даны и Моисеем Сукочевым, бежавшим из плена с Кубани. Для наказания кипчатцев хан послал одного своего сына Нурадына Салтана, который, отправляя татар в Крым, приказал грабить их имущество: «лошади и прочее отнимают и хлеб, где сыщут в ямах, берут и лошадьми своими травят и жилища жгут и пустошат, а овцы велел крымским татарам отнимать и брать себе на пищу».

Разумеется, от взаимной розни татар и черкесов русским было не лучше. Враждая между собою, они не упускали случая живиться русским добром и захватывать в плен русское население.

14 августа 1725 года дали показания два русских пленника, бежавшие с Кубани на Дон, казак Тимофей Кузнецов и некто Никита. За шесть лет плена Кузнецов был перепродан несколько раз и успел побывать у тавлинцев, кубанских татар, переменявши несколько хозяев. По словам Кузнецова, Бахты-Гирей, собравши из каждой кибитки по человеку, пошел потом с этим войском против черкесов. Идти же против русских войск Бахты-Гирей не имел намерения и вообще татары российских войск опасались.

Иногда распри татар принимали характер государственных возмущений и в дело вмешивались турки. Как видно из грамоты Екатерины II Донскому войску от 8 ноября 1725 года, в этом году произошли серьезные беспорядки в Крыму и на Северном Кавказе, поколебавшие власть Турции. Великий визирь извещал через русских посланников, что «Крымский Статский министр Жантемир Ширинбей, согласясь с Бахты-Гиреем Дели Салтаном, забунтовал и ушел

онный Ширинбей из Крыма в Кубань, где оба они, противники, Ширинбей и Бахты-Гирей Дели Салтан, собрали себе войска и бунтуют против Порты Оттоманской». Турецкое правительство, посылая против бунтовщиков крымского хана и Самсончи Агу с янычарами на Азов, предупреждало русских, чтобы они приняли предосторожности против бунтовщиков и чтобы русские власти не только не оказывали протекции бунтовщикам, но арестовали их и известили бы о том Порту.

С своей стороны русские стали следить за действиями бунтовщиков на Кубани и есаул Донского войска Сарин сообщил, что Бахты-Гирей с Ширинбеем и с его партизанами соединились, из-за Кубани вышли и стали на Кагальнике. Хотя истинные их намерения не были известны, но, по-видимому, союзники хотели «ударить на Крым». Русское правительство, не вмешиваясь в турецко-татарские распри, предписывало лишь, чтобы донские казаки опасались бунтующих.

Из допроса беглого калмыка Безека войсковым атаманом 22 марта 1726 года выяснилось, что татарской ордой Кубани в это время заправлял Сали-Гирей Салтан, а бунтовщики Бахты-Гирей и Крымский Джантемир Аджи бежали в горы во владение абазинских черкес. У последних не было войска и в помощь к ним пошло только человек триста заволжских калмыков, ставших лагерем на р. Челбасы близ Кубани. Калмыки эти ограничились, однако, тем, что разбили и ограбили турецких подданных, ехавших из Азова на Кубань с товарами, а сами потом ушли в свои улусы, к Волге.

Необеспеченность имущества и личности была характерной чертой того времени. Грабили в дороге и на местах жительства, увозили в плен людей и просто продавали их, как выгодную статью дохода. Самые набеги сводились большей частью к добыче «ясыря», и тот, кто имел больше ясыря, считался наиболее богатым человеком. Продажа поэтому людей в неволю составляла зло не только у татар, черкесов, турок и пр., но и у русских.

В Московском архиве главного штаба сохранилось за 1727 год очень интересное дело, из которого видно, как это зло пустило глубокие корни даже на Дону в среде казаков. В переписке воронежского губернатора генерала Лихарева и генерала фон Вейцбаха есть указания, что в разных местах сидели колодники, изобличавшиеся в целом ряде преступлений – в уступке неприятелю пороху, свинцу, в продаже в плен людей, в подготовке побега донских казаков с Дона к Некрасову и т.п. Одним из допросов беглого солдата Василия Серого устанавливается целый ряд возмутительных фактов этого рода. Серый был «опасно на едине спрашиван и подыман», т.е. подвергнут пытке, и сам добровольно поставил себя в это положение, а стало быть, едва ли измыслил следующий ряд фактов. Казак станицы Прибытной Андрей Росторгуй продал, по его словам, в 1726 году до Петрова дня туркам в Азов полпуда пороху да полсвиньи свинцу. Той же станицы казак Филимон Шляпин отослал из Черкаска в Азов туркам девку Нелиду Московку в сообществе с казаком Катусыным и двумя работниками, взявши за девку сто рублей. Казаки станицы Средней Козлов, Баран и сын Петрова подговаривали его, Серого, к побегу к Некрасову на Кубань. Казак Нижней Рыковской станицы Федор Слезкин продал ночью туркам русскую девку Анну за 80 рублей. Казак станицы Скородумовой Парфен Богатырка «продал туркам лавочного своего сидельца бурлака воронежца Ивана» и проч., проч.

Один беглый солдат Серый привел в своих показаниях шесть случаев продажи пороху и свинцу, семь случаев продажи женщин, два случая продажи мужчин и два случая бросания в воду лиц, которые могли дать важные показания, или всего, следовательно, 17 криминальных случаев. И все это рассказано с такими подробностями и точностью, что не вызывает сомнений.

Очень интересны показания Серого относительно побега донцов к Некрасову на Кубань. Кроме единичных случаев этого рода к побегу готовились целые городки и станицы. По словам Серого, верховые городки все хотели идти с Дона на Кубань к Некрасову. Причина бегства – тяжелая жизнь и стеснительные порядки, заведенные правительством на Дону, – введение переписей, паспортов и пр. Центр тяжести в этом отношении, как и у некрасовцов, крылся в

стеснении религиозной свободы. По-видимому, казаки, собиравшиеся бежать к Некрасову на Кубань, были староверы и их особенно возмущали перепись и паспорт, как видимые признаки антихристовых ухищрений.

Около того же времени в течение целого ряда лет в судьбах народностей, населявших нынешнюю Кубанскую область, начинают принимать участие калмыки, кочевавшие за Волгой и в Астраханской губернии. То самостоятельно, то в роли союзников они производили набеги на татар и на черкесские племена, угоняя скот и уводя население в плен.

Как видно из «доношения» князя Михаила Голицына в военную коллегию, калмык Цай-Раши, опрошенный по распоряжению генерала фон Вейсбаха 9 декабря 1727 года, показал, что в улусы наместника Калмыцкого ханства Черендондука и матери его ханши Дармы Балы явился известный Бахты-Гирей Дели Султан и подготовил десять тысяч войска для похода на Кубань. Бахты-Гирей не имел намерения нападать на Черкасск, но его союзники калмыки держали совет о том, чтобы пойти с войском под Чирский городок на черкасских юртовых калмыков, так разорить их, чтобы ни одного калмыка при Черкасске не было. Вследствие этого Донские казаки выбрали на войсковом кругу старшину Ивана Володиминова, которому и поручили принять предосторожности против нападения калмыков.

Из другого, от 7 января 1728 года, доношения князя Голицына, на основании сообщения полковника и воеводы Беклемишева, видно, что Бахты-Гирей с калмыцкими войсками переправился через Кубань, пошел по реке Лабе и в урочище реки Салбы угнал у этеанского мурзы Беркута Султана Мамбетя и у татар Эмбулукского рода до десяти тысяч лошадей с несколькими татарами. Часть калмыков отправилась отсюда с добычей в свои улусы, а Бахты-Гирей с двумя тысячами калмыков остался на реке Куме. Отсюда он предупредил Черендондука и ханшу Дарму Балу, чтобы они ни сами не шли на Кубань, ни войск не посылали.

Из последующих донесений дворянина Семена Казанцева, капрала Тимофея Зеренинова, казака Максима Бобрикова и калмыка Сатова с товарищами выясняются некоторые подробности набега Бахты-Гирея на своих единоплеменников и последствия этого набега. Бахты-Гирей с калмыками угнали одних лошадей и не тронули населения. Когда калмыки направились в обратный путь, за ними погнались кубанские татары, которые почему-то прошли только до урочища «Желтый Камыш» в верховьях реки Егорлыка и отсюда повернули назад. Глава кубанских татар Салат-Гирей, услышавши о нападении на его подвластных калмыцкого войска, привел из Крыма до 20 тысяч татар, но калмыки с Бахты-Гиреем благоразумно уклонились от открытого столкновения, боясь драться в горах и опасаясь русских войск. В этих затруднительных обстоятельствах Бахты-Гирей будто бы просил Черендондука прислать ему еще войска.

С своей стороны, как сообщил князю Голицыну подполковник и саратовский воевода Беклемишев, кубанские татары, в частности, этеанцы и эмбулукцы, находясь между собой в несогласии, просили Бахты-Гирея взять их под свое покровительство и изъявили даже желание переселиться к калмыкам. Калмыкам пришлось по душе это предложение, так как этим путем они рассчитывали усилить свои войска, а Бахты-Гирею распределить татар по улусам между калмыками. Когда Беклемишев послал к наместнику Черендондуку и матери его ханше Дарме Бала капрала Тимофея Зеренинова для удержания калмыков от похода на Кубань, ханша на словах передала капралу, что так как все калмыцкие улусы выкочевали на нагорную сторону, то калмыцкие войска пошли для охраны их; кучшские же татары причиняют калмыкам много обид, бьют людей, угоняют табуны лошадей, берут население в плен и проч. В таком же духе были написаны и письма ханши и сына ее Черендондука к Беклемишеву.

Из показания новокрещенца калмыка Шорхота Менко, а по-русски Захара, видно, что он был в начале 1728 года в отряде в 40 калмыков с Бахты-Гиреем. Отряд в течение месяца стоял при реке Лабе, не производя никаких действий, но калмыки старались помирить Султана Бахты-Гирея с султаном Салат-Гиреем, чего и достигли. Султаны помирились и поделили

между собой владения: Бахты-Гирею достались владения вниз по Кубани от аулов Этишку-Улу, а вверх по Кубани от тех же аулов Салат-Гирею. Калмыки потом двинулись к Волге, но до них дошел слух, что Бахты-Гирей с сорока человеками единомышленников оставил доставшиеся ему владения и бежал в горы, опасаясь Салат-Гирея.

Те же обстоятельства подтверждаются показаниями русского переводчика Андрея Иванова, который был послан русскими властями к калмыкам для выяснения положения у них дел и походов на Кубань. Иванов сообщил, что, проезжая от Царицына до Черного яра нагорной полосой, т.е. правым берегом Волги, он всюду видел войска калмыцкого владельца Дондук-Омбо. Калмыки были в плачевном положении. Большая часть их шла пешими, а лошади их едва брели без всадников, пища же у калмыков «была пшеница невеянная, которую они, в воде разводя и разболтавши, пили». Калмыки говорили, что хотя простояли на Кубани три месяца и терпели нужду, но походом своим на Кубань довольны, так как им удалось сделать Бахты-Гирея «действительным султаном» и сами они помирились с кубанцами, крымцами и турками.

Но вместе с тем приятели калмыки толмача Андрея Иванова передали ему, что хотя Бахты-Гирей и Салат-Гирей помирились и «через пересылку присягами утвердились», но Бахты-Гирей сообщил калмыкам, что Салат-Гирей собрал до десяти тысяч войска, с которым и намеревался напасть на калмыков. Так как лошади у калмыков от бескормицы отошали, то Бахты-Гирей советовал калмыкам поскорее возвратиться домой и дал им на дорогу по бычку на десять человек да невеяной пшеницы. Владельцы калмыков и Бахты-Гирей взаимно присягнули в верности, и калмыцкие войска отправились в свои улусы.

Другой свидетель, дворянин Яков Татаринов, которого власти так же, как и толмача Андрея Иванова, посылали на разведку к калмыкам, сообщил очень интересный факт участия казаков в распрях татар. По его словам, при противнике Бахты-Гирея султани Салат-Гирее было этсанцев, черкесов и «запорожцев всего тысяч десять и вора Игнатки Некрасова сын Мишка с донскими воровскими казаками в шестистах человеках». Таким образом, запорожцы и некрасовцы в 1728 году прошли от устьев Кубани к реке Лабе, и, надо полагать, это обстоятельство имело решающее значение: казаки усилили Салат-Гирея и поддержали его престиж. Тот же Татаринов указывает на действительные причины, под влиянием которых калмыки ходили на Кубань и принимали деятельное участие в распрях татар.

Когда, сообщил Татаринов, Дондук-Омбо, игравший вообще важную роль в походах калмыков на Кубань, узнал о бегстве Бахты-Гирея в горы, то был сильно опечален, так как Дондук-Омбо и Бахты-Гирей были близкие друзья и Дондук-Омбо решил совсем переселиться с подвластными ему калмыками на Кубань во владения Бахты-Гирея, в чем они и дали взаимную клятву. Мало того, сам наместник калмыцкого ханства Черендондук «договорился» с Бахты-Гиреем, «что ежели он, Бахты-Гирей, там на Кубани усилится, то всем калмыцким улусам зимовать и летовать между рек Волги и Кубани и ему, Бахты-Гирею, их, калмык, охранять, а им, калмыкам, с ними за одно тоже чинить».

Таковы были те совершенно понятные побуждения, под влиянием которых калмыки усердно поддерживали Бахты-Гирея. Очевидно, прикубанские степи и пастбища манили кочевников калмыков и в этом крылся секрет их первых походов на Кубань.

8 марта 1729 года князь Голицын донес в Государственную Военную Коллегию, на основании сообщений полковника Бахметева и подполковника Беклемишева, ведавших калмыцкие дела, что Бахты-Гирей побуждал Черендондука и других владельцев калмыков идти войной против России. Посланные Бахты-Гирея заявили калмыкам, что турецкий султан и крымский хан назначили Бахты-Гирея калгой на Кубани и в знак его достоинства прислали ему золотое знамя. Так как по указу султана и хана приказано ему, Бахты-Гирею, идти с весны войной против России, то Бахты-Гирей приглашал и калмыков идти с ним. Черендондук и другие владельцы отклонили, однако, это предложение, указавши своему союзнику, что они клялись

помогать ему против его врагов на Кубани, а не против русских, под протекцией которых находятся калмыки, и что поэтому, поддерживая дружбу с Бахты-Гиреем, они тем не менее не пойдут против России. Теперь они пользуются русскими пастбищами в Приволжье, а тогда, когда они поднимут оружие на Россию, русские могут отнять у них эти пастбища и окончательно обездолить их.

Скоро, однако, и Бахты-Гирей Дели Султан сложил свою беспокойную голову. Как показал стрелецкий сын Степан Иванов Санников, бежавший из плена от некрасовских казаков, весной 1729 года Бахты-Гирей поехал с Кубани с небольшим количеством людей к темиргоевским черкесам для получения с них обычной дани в тысячу ясырей. В ожидании дани Бахты-Гирей стоял с своим маленьким отрядом вблизи черкесских жилищ. Вдруг ночью черкесы, собравшиеся в значительном количестве, бросились на становище Бахты-Гирея, убили его и брата его сераскира и разогнали остальных татар. Когда весть об этом дошла до Азова, то азовский паша послал нарочных для выяснения обстоятельств дела. Возвратившиеся нарочные сообщили, что темиргоевские черкесы действительно убили Бахты-Гирея с братом и что мертвые тела их увезены из Копыла в Крым.

В апреле 1733 года бежали из плена от татар казак станицы Манокской Степан Чекалин и юртовой калмык Беке. Оба они были посланы в составе партии 55 казаков и калмыков, под командой казака Лариона Седого, для взятия языка под улусы Дондук-Омбы и в вершинах р. Ей взяли калмыка лет тридцати; но проведавшие об этот калмыки нагнали отряд, отняли плененного калмыка, отбитых лошадей и взяли Чекалина с пятью калмыками в плен. По рассказам Чекалина и Беке, Дондук-Омбо зимовал по Кубани. В это время к нему приезжали посланные от наместника калмыцкого ханства Черендондука для примирения, но мировой не состоялось, и Дондук-Омбо с Черендондуком остались противниками. Таким образом, часть калмыков перешла на жительство в прикубанские степи, а один из крупных и влиятельных калмыцких владельцев Дондук-Омбо оказался во враждебных отношениях с наместником калмыцкого ханства Черендондуком.

С этого времени Дондук-Омбо начал, по-видимому, играть видную роль в среде калмыков. Он завладел значительным пространством нынешней Кубанской области. В исторических документах упоминается, что улусы Дондук-Омбы кочевали по речкам Керпили и Челбасам, часть калмыков он направил на Копылу, а заставы были расставлены по р. Ее, т.е. по нынешней скверной границе Кубанской области. По другим сведениям, кочевки калмыков производились по всем вообще степным речкам нынешней Кубанской области.

В 1733 году произошли обстоятельства, вызвавшие столкновения между татарами, горцами и русскими войсками. Как видно из письма ландграфа Людвиг Гессен-Гомбургского князю Барятинскому, крымские и кубанские татары, соединяясь с чеченцами, тавлинцами и другими горскими племенами, имели намерение пройти через Дербент в Персию. Этот план войны с персами через кавказские ворота со стороны Каспийского моря поддерживался и Турцией. Соединенные войска двинулись с запада на восток по р. Кубани и прошли до притока ее р. Белой. Здесь загородили им дорогу русские войска под командой генерал-майора Еропкина, в отряд которого прибыл и ландграф Людвиг Гессен-Гомбургский. 11 июня произошло столкновение. Неприятеля, по выражению ландграфа, «в великой силе обрушились с оружием на русский отряд, но получили храбрый отпор и, оставивши на месте около полутора тысяч убитыми и ранеными, принуждены были ретироваться в горы».

Это, однако, не остановило татар и черкесов. 15 июня они напали на русскую команду у Прорвинского городка и снова получили отпор. Но ввиду малочисленности русских и необходимости отступления к крепости Св. Петра, ландграф считал возможным прорыв татар и черкесов через Дербент. Ландграф распорядился поэтому выслать 25 июня партию нерегулярных войск под командой черкесского полковника Бековича, который, соединясь с войском ханского сына Казбулата, следил за движениями союзников, а генерал-майору предложено было

заградить путь «в ближнем расстоянии» от Дербента. В заключение ландграф Людвиг сообщил князю Барятинскому, что гребенские казаки вместе с брагунскими владельцами напали на татарские орды, «много их порубили и в полон взяли».

Калмыки, однако, не принимали никакого участия в этом предприятии татар. По показанию бежавшего в Черкасск калмыка Сандука, «противник», как именуется он всюду в документах, Дондук-Омбо кочевал в это время в вершине р. Челбас, брат его Бачкурга на Егорлыке, а Четер ниже их над Кубанью по Еланкечу, т. е. «на броду». Бачкурга противился всячески тому, чтобы его калмыки шли на казачьи городки для взятия языка и участвовали в походе против русских. «Лучше, – говорил Бачкурга, – ему рыбу таранину есть, нежели на Кубани баранину». Вообще же между калмыками ходили слухи, что все их владельцы – Дондук-Омбо, Бачкурга и Четер Тайша – с своими улусами сильно желали по-прежнему кочевать при Волге, но опасались репрессий со стороны русского правительства.

Около того же времени другой пленник, Иван Осипов, бежавший с Кубани, сообщая о задержке «Крымских и Кубанских войск» гребенскими казаками, передал со слов татар, что «противник калмыцкий» Дондук-Омбо не кочевал уже по Кубани, а отправился на Волгу.

6 сентября 1733 года войсковой атаман Донского войска Андрей Лопатин доносил императрице Анне Иоанновне, что посланный им под видом купца казак Иван Кульбаков на разведку в Азов видел, как 29 августа пришли в Азов «два судна с пушками и прочей артиллерией» и с строевым лесом. Пришедший на судах грек передал Кульбакову, что привезено было восемьдесят пушек и 900 мастеров сербов и что к осени еще придут в Азов из Царьграда тридцать судов с людьми и запасами. По слухам, турки намерены были починить Азовскую и Петровскую крепости и заново возобновить Каланчинскую башню. Кульбаков узнал также, что бывший в Азове некрасовец Ивашка Мельник с шестью товарищами и с рабочими людьми строил по тракту от Азова на Ачуев значительные мосты через реки Бейсуг, Ею, Черную и Кагальник с таким расчетом, чтобы эти мосты могли выдержать «всякое войско и тягость».

28 сентября новый беглец калмык Тугус на допросе сообщил донским казакам, что Дондук-Омбо с калмыками были еще на Челбасах, а Четер Тайша у Копыла, и что будто бы калмыки непременно перекочат на Волгу. В этих видах Дондук-Омбо послал от себя к хану Черендондуку посла Губана Шарана с товарищами с предложением совместного кочевания, но предварительно хан должен был прислать свою мать Дарму Балу или кого-нибудь из знатных старшин к Дондук-Омбо, как залог примирения между противниками. В то же время, ввиду долгого невозвращения послов, Дондук-Омбо в начале августа послал своего зайсанга Чуплея к Крымскому хану, у которого просил разрешения перекочевать, вследствие бескормицы на Кубанских степях, к Азову на Крымскую сторону.

Таким образом, и в этом случае возвратиться с Кубани на прежние кочевья по Волге побуждали калмыков чисто хозяйственные соображения: не было кормов. Упомянутый выше казак-разведчик Иван Кульбаков сообщил войсковому атаману 19 ноября, что Дондук-Омбо с своими улусами продолжал еще кочевать по Челбасам, прочие владельцы по Ею и Бейсугам, а Четер у моря ниже Азова.

Обстоятельства, по-видимому, не благоприятствовали перекочке калмыков с Кубани на Волгу. В 1734 и 1735 годах калмыки были на Кубани. 13 августа 1735 года выбежал с Кубани на одной лошади в Черкасск татарин Оракчи, уроженец кубанский, которому, однако, татары говорили, что «он русской породы», почему он решился бежать к русским. По словам Оракчи, крымские татары не оставили мысли о походе в Персию через Северный Кавказ и крымский хан снова собрал с этой целью войска. В то же время Дондук-Омбо с калмыками и черкесы Большой Кабарды напали на жилища Рослан Бека и угнали много овец. Дондук-Омбо остался кочевать вблизи Кабарды, и не было слухов о том, что он намерен перекочевать на Волгу.

В августе того же года стоявший на Темерницком форпосте (вблизи нынешнего Ростова) ротмистр Яков Шамшин слышал от русских купеческих людей, что крымский хан переправился

уже с войсками из Крыма на кубанскую сторону и что он послал под Кабарду для взятия языков нескольких татар и некрасовских казаков, которых, однако, черкесы всех побили. Дондук-Омбо и калмыки действовали заодно с черкесами, да и черкесы были все в согласии между собой, а у тех черкесов, которые были «маловерны» и уклонялись от враждебных действий против крымских татар, они брали аманатов и силой заставляли их быть в союзе с ними. Наконец 3 октября пленник яицкий казак Иван Трондин показал, что, по слухам в Азове, крымский хан с войсками не пошел в Персию, а возвратился в Крым к зиме.

В 1737 году, во время походов графа Миниха, к Дону были направлены почти все донские казаки, так что оставались по станицам по два, по три и в редких случаях по пяти стариков, да и те, по словам наказного атамана Ивана Фролова, были «весьма странные и престарелые». Отвлечение казаков дало возможность кубанским горцам и калмыкам делать набеги на Дон. Так 4 мая в четыре часа дня кубанцы напали на станичных рабочих людей, бывших на пашнях за Доном, и забрали их в плен. Калмыки из улусов Дондук-Омбы, кочевавшие вблизи Дона и казачьих поселений, также «начали подбегать под станицы и чинить нападения». В Есауловской станице были убиты ими два казака, а других они били плетьюми и грабили.

Таким образом, отвлечение казаков в армии Миниха и Ласси дало возможность татарам и черкесам идти на Дон с военными целями и отчасти соблазняло и калмыков, грабивших казачьи станицы и городки малыми шайками.

Между тем на Дону стало известно, что даже Дондук-Омбо, услышавши о движении татар и черкесов к Дону и к его улусам, поспешно откочевал от Дона к Волге. 5 августа пойманный казаками татарин Ак Мамбет Аулу Оргила сообщил, что кубанские мурзы соединились под общим начальством сераскира Салим-Гирея, сына известного Бахты-Гирея, что к татарам примкнули кубанские и горские темиргоевцы, часть азовских турок и некрасовские казаки и что образовавшийся таким образом отряд около шести тысяч человек двинулся к верховьям Кубани и отсюда направился под калмыцкие урусы Дондук-Омбо, но калмыков не достиг.

Тогда татары и черкесы поворотили к Дону и, пройдя между Цымлой и Кумшаком ночью, перебрались на другую сторону Дона. Здесь они сожгли и разорили Кумшацкий городок, причем деятельную роль играли при этом некрасовские казаки. Такие же показания дал и другой пленник темиргоевский черкес Девлетле.

Дела, однако, были более серьезного характера, чем показали пленники, взятые отдельно от главного отряда татар и черкесов. Из донесения войскового атамана Ивана Фролова императрице Анне Иоанновне видно, что татары и черкесы, переправившись через Дон, прошли вверх по этой реке 194 версты и всюду нападали на казачьи станицы. Казачье население очутилось в крайне тяжелом положении. «За крайним малолюдством, – говорится в донесении императрице, – на казачьих женок и взрослых девок надевали платье казачье и выставляли таковых с ружьями против неприятелей». Неприятели захватили очень много населения, попилили хлеба и сено, угнали целые табуны скота и вообще причинили массу бед населению, а затем быстро скрылись к себе на Кубань. По точному учету, произведенному впоследствии, оказалось, что нападению подверглось шесть станиц и совершенно разорен Кумшацкий городок, взято было в плен 968 душ населения, убито и ранено 41 человек, угнано более 4 тыс. лошадей, 10 тыс. коров, 500 телят и 21 900 овец, сожжено 300 домов, 350 базов и 12 400 копен хлеба.

Набег этот вызвал тревогу не только между донским и вообще южнорусским населением, но и в среде русского правительства. Правительствующий Сенат, не в пример военным властям, обезлюдившим Донскую область, «приказал в Воронежскую и в Белгородскую губернии и тех губерний в ближайшие к Москве Севскую, Орловскую, Шацкую провинцию, в Азов и к генералу князю Барятинскому, в генеральную войсковую канцелярию и к генералам-фельдмаршалам и кавалерам графу фон Миниху и фон Ласси послать указы с крепким подтверждением велеть от показанных кубанских нападений иметь крепкую предосторожность». В этих видах Сенат распорядился, чтобы, на основании имеющихся данных о расположении русских

войск на юге, организовать защиту и написать калмыцкому хану Дондук-Омбо, чтобы он дал вспоможение калмыцкими войсками. С своей стороны генерал-фельдмаршал Ласси, назначая казаков для защиты их родины, распорядился задним числом (13 августа), чтобы назначенные им казаки, бывшие в его армии, спешно прибыли на Дон и, соединившись с местными военными силами, «постарались всеми мерами тех кубанцев догнать и разбить». Но пока все это так красноречиво изображалось на бумаге, кубанцев и след простыл.

Русское правительство порешило во что бы то ни стало наказать татар и черкесов за их набеги на донские станицы. В этих видах приказано было донским казачьим полкам в соединении с калмыцким войском Дондук-Омбо двинуться на Кубань и разгромить татар и горцев. 1 декабря войсковой атаман Иван Фролов с донскими полками и калмыцкий хан Дондук-Омбо с калмыками соединились на р. Ее и отсюда сделали переход до р. Челбасы. Впереди же отряда было пущено 200 казаков и 200 калмыков о двуконь для разведки. От р. Челбас и до Кубани на расстоянии ста верст татары заранее выжгли степи; но русские и калмыцкие войска перешли их и заняли Мултанский остров, образуемый рукавами Кубани, захватили здесь и под г. Темрюком до тысячи татарских кибиток.

Относительно поисков и нападения русско-калмыцких войск на татар Мултанского острова в разных официальных документах находятся неодинаковые сведения. Войсковой атаман Иван Фролов, упомянувши в своем донесении императрице Анне Иоанновне «о разбитии тысячи кибиток» под Темрюком, говорит далее о пушечной стрельбе и высадке янычар из Темрюка, окончившейся неудачно для защитников этой крепости. Вообще же, по словам Донского атамана, много людей из упомянутой тысячи побито и потонуло, около тысячи душ обоого пола взято в плен и захвачено две тысячи лошадей, пять тысяч рогатого скота, сто верблюдов и пятьсот баранов. Весь Мултанский остров русско-калмыцкие войска разорили. Особенно донские казаки желали отомстить некрасовцам, но «изменники некрасовские казаки жили по островам за водяными заливами и багнами в крепких местах», так что пробраться к ним оказалось невозможно. Был лишь разорен и выжжен их лучший городок Хань Тюбе, причем убито было два некрасовца и захвачено тысячу голов скота. Атаман убеждал калмыцкого хана Дондук-Омбу перейти Кубань и напасть на татар и черкес на левом берегу этой реки; но Дондук-Омбо не решился на это предприятие, так как Кубань не замерзла, бродов и переправ не было, по правому же берегу ее все степи были заранее татарами выжжены, а в горах, где засели противники, понаслышке, свирепствовала моровая язва. Сведения эти подтверждались показаниями пойманного за Кубанью татарина Чюмали, взятого в плен янычара Муртазы и убежавшего в русские войска некрасовца Якова Поляка, или Коржихина.

Интересны показания этого последнего, бросающие некоторый свет на своеобразную общину беглых казаков некрасовцев. Бежавший показал, что зовут его Яковом Васильевым Коржихиным, что он польский уроженец из города Рыхволя и 15 лет тому назад ушел с родины в Запорожскую Сечь, а лет десять отсюда к некрасовским казакам. Это, следовательно, был доброволец казак, ничего общего с донскими беглецами не имевший. Три года назад он женился на дочери некрасовца Степанова и прижил с ней одну дочь. До прихода русских войск Яков изыскивал средства, чтобы бежать на Дон, и бежал, воспользовавшись приходом их на Мултанский остров, оставивши жену и дочь. По словам беглеца, некрасовские казаки и татары были заранее предупреждены местным сераскиром о возможности нападения русских. Некрасовские казаки, побросавши свои жилища, перебрались на острова и за болота. Отсюда, в случае если бы Кубань покрылась льдом, они намерены были бежать далее в горы. Некрасовцев было до семисот человек, кроме женщин и детей, и они могли выставить до 500 воинов. Бедняки были склонны бежать в Россию и в тайне хранили свои помыслы; большинство же, и в том числе богачи и заправилы, были против побега, так как уверены были, что «российская государыня никак их в вине не простит и, по приходу их на Дон, повелит всех перевешать». Поэтому казаки зорко следили друг за другом и немедленно передавали татарским властям

тех, кого заподозревали в намерении бежать к русским, а татары продавали их в горы черкесам. В том же году пятнадцать запорожцев, бывших у некрасовцев, хотели уйти на лодках в море, а оттуда на Дон, но некрасовцы предали их татарскому султану, а последний продал их в горы и в Крым. Таким способом некрасовцы держали в страхе и повиновении сторонников России.

Более подробные сведения о походе русских и калмыцких войск на Кубань содержатся в сообщении правительствующего Сената в Государственную военную коллегию от 27 декабря 1737 года. Соединенные войска, придя на Кубань, имели дело здесь с эдешкульской ордой татар, занимавшей Мултанский полуостров от Копыла до берегов Черного и Азовского морей. В числе других жилищ донцы и калмыки взяли столичный город татар Копыл, «который не малой величины и валом огражден», разорили его «в конец» и захватили много добычи. С 26 ноября по 3 декабря весь наличный мужской пол, носивший оружие, был побит и только немногие спаслись бегством или утонули при переправе через Кубань, «причем жен и детей до десяти тысяч душ в полон взято, а еще более того в реке Кубани оных потонуло». Одни калмыки Дондук-Омбы на свою долю взяли 20 000 лошадей, «скота же и баранов бесчисленное множество», так как, вероятно, весь скот с Кубани в те места был согнан. Точно так же казаки и калмыки «другими вещами такое изобилие и богатую добычу достали, что они такого с давних времен не помнят». Так дорого был куплен набег черкес и татар на донские станицы. Дондук-Омбо добычу отправил в свои жилища, а сам с войском и казаками остался у Кубани, выжидая, когда она замерзнет.

13 апреля следующего, 1738 года, бежавший некрасовец показал, что Кубанский сераскир собрал до десяти тысяч войска и сто пятьдесят человек некрасовцев, намереваясь идти на донские казачьи станицы. То же подтвердил другой некрасовский казак, бежавший из упомянутого Кубанского отряда сераскира Салат-Гирея, находившегося на р. Челбасах. Собственно, о некрасовцах и этот беглец сообщил, что многие желают возвратиться в Россию, но боятся, что или будут казнены, или же отнимут у них старую веру и заставят принять новую. К тому же и кубанцы знали о намерении некрасовцев перебраться в Россию и зорко следили за ними. Было даже предположение разобрать всех некрасовцев по рукам ввиду их неблагонадежности. Наконец, бежавший некрасовец передал русским властям, что в городах Темрюке, Тамани и в Ачуеве турки не прибавили войск, но, по слухам, намерены были с весны строить город на Черном ерике.

Со своей стороны и Россия шаг за шагом надвигалась на Крым и одновременно не упускала из виду Северного Кавказа, тем более что обе эти местности связаны были пребыванием одной и той же народности – татар, имевших одного хана и зависимых от него управителей. Русские не хотели ограничиться походом на Кубань 1737 года. 2 августа 1739 года калмыцкий хан Дондук-Омбо писал поисковому атаману Даниле Ефремову, что посланными им калмыками были взяты четыре закубанца и в числе их один уздень, которые сообщили о присылке крымским ханом посланцев на Кавказ с поручением взять отсюда часть войска. Стали переправляться в Крым и откочевывать к морю и другие татары, бросая даже засеянный хлеб. В этих видах Дондук-Омбо просил поскорее отправить казаков для соединения с калмыками, чтобы напасть на закубанцев прежде, чем они успеют снять хлеб. С своей стороны он известил о том же и кабардинцев, которые также должны были примкнуть к отряду и вместе идти против закубанцев.

В другом письме к тому же атаману Даниле Ефремову от 8 августа Дондук-Омбо писал, что войска его для похода в Темрюк, Тамань и Ачуев совершенно готовы, но у кабардинцев свирепствует моровая язва, почему опасно было бы их присоединить к отряду. Посланный Дондук-Омбо на словах прибавил, что калмыцкие войска находились уже на р. Керпили, в расстоянии дня езды от Ачуева, и чтобы русские войска поспешили соединиться с калмыками, иначе можно упустить удобный для нападения момент.

В то же время пойманный донцами татарин Малтабара, хорунжий Кубанского сераскира, на допросе 14 августа показал, что еще в прошлом месяце Крымский хан Менгли-Гирей прислал к Кубанскому сераскиру нарочного с требованием, чтобы кубанские мурзы и татары переходили в Крым. Здесь требовалась их помощь, так как русские войска шли на крымцев и стояли уже у Молочных вод. Сераскир успел собрать тысячу всадников, которые вошли в Крым в тридцатитысячный ханский отряд, отправленный к Молочным водам, где русских, однако, не оказалось. Так как Кубанский сераскир и татары слышали, что на Кубань пошел Дондук-Омбо с калмыками, то намерены были, по прибытии из Крыма, своих жен и детей перевезти в Крым, а «Кубань оставить пуст», так как от калмыков и донских казаков стало им жить затруднительно; «в Тамани же, в Ачуеве и в Темрюке весьма малоллюдно, не более как человек по двести». Татары, перебираясь сами с Кубани в Крым, некрасовским казакам назначили для местожительства в Крыму озеро Сарыкуль, т.е. Желтое озеро, хотя они и просили татар оставить их жить на берегу Черного моря в горной его части.

Между тем Дондук-Омбо послал калмыков с частью казаков за Кубань против так называемых кундуrowsких татар, живших вблизи черкесов, «базадак и натахани», т.е. бжедухов и нутхайцев, в количестве двух тысяч кибиток. Татары, с приходом калмыков и русских, ушли в горы, а начальствовавший над ними Киргин-Гирей, сын Бахты-Гирея и родной брат сераскира Селим Гирея, бывшего в то время в Крыму, вышел против калмыков и русских, был разбит и сам пал в сражении.

Впереди калмыкам и русским предстояло осуществить довольно сложный план взятия Темрюка, Тамани и Ачуева, при одновременном нападении на эти крепости с моря и с суши. Предположено было, что Дондук-Омбо с калмыками и казаками перейдет на Мултанский остров и двинется оттуда к названным трем пунктам. В то же время от Азова пойдет часть казаков берегом, а часть флотилией, и все три отряда, долженствовавшие действовать совместно по одному плану, одновременно должны напасть на Ачуев, Темрюк и Тамань, чтобы соединенными силами с моря и суши овладеть этими турецкими крепостями.

Но при осуществлении план этот оказался трудно исполнимым по своей сложности и, главное, по отсутствию сколько-нибудь удобных проходов берегом вдоль моря. В конце августа флотилия под командой генерал-лейтенанта Дебриллия двинулась морем от Азова вдоль побережья, а вместе с ней следовал по берегу отряд казаков и калмыков в 1826 человек под командой наказного атамана Петра Еркаширы, подчиненного генералу Дебриллию; Еркашир с казаками и калмыками удачно переправились через рр. Кагальник и Ею, на Долгой косе, где ныне станица Должанская, посланный Еркаширой казак Никифор Камышеватский нашел «на яру в лещадах» ордер Дебриллия, которым он приказал отрядить двести человек казаков, долженствовавших следовать у самого берега при флотилии.

Тот же Никифор Камышеватский привез с урочища Кучук-татар, расположенного при Бейсугском заливе, другой ордер Дебриллия, полученный Еркаширой 5 сентября при устье р. Челбасы, а 7 сентября он имел личное свидание с генералом в названном урочище Кучук-татар.

Конный отряд, перейдя рр. Челбасы и Бейсуг, направлен был в урочище Актар-Бактар, надо полагать, в местность, где потом основан был черноморскими казаками Ахтарский поселок или Алтари. Вследствие полного незнакомства с местностью, Еркашир с конницей попал в «непроходимые заливы и соляные озера и великие грязи». Напрасно Еркашир посылал казаков и калмыков в камыши и болота – флотилии не могли найти. Только есаул Григорий Мартынов случайно нашел ордер генерала Дебриллия на берегу протока у большого городища; в ордере были указания, где найти Актар-Бактар. Конница нашла это урочище и при нем городище.

Отсюда Дебриллий приказал отряду перебраться в лодках через громадный залив к морскому берегу. Привязавши лошадей к лодкам, казаки 15 сентября начали, благодаря попутному ветру, переправу и потеряли лишь 27 лошадей. Подойти, однако, к Ачуеву не позволила мест-

ность и переполненные водой рукава Кубани-Протоки. Посланные казаки и калмыки не могли также сыскать языка, а неприятель между тем заметил опасность и принял предосторожности.

18 и 19 сентября неприятель имел уже дело с малыми отрядами нападающих. 20 сентября войска стали лагерем у Протоки и началась переправа пушек и мортир; но ночью налет сильнейший морской шторм, которым разнесло паром, вымело на берег и разбило суда, а артиллерийские вещи и другие припасы залило водою. В войсках распространилась паника от этого потопа. Гренадеры взгромоздились на пушки, покрытые водой, и в помощь Дебриллий потребовал конницу. С полудня 21 сентября вода начала спадать. К городу Ачуеву удалось потом подвезти три пушки с мортирой и зарядами.

Тогда из Ачуева открылась пальба из пушек, а когда стемнело, то русские, заложивши малые шанцы, начали, в свою очередь, бомбардировать Ачуев. От бросания бомб загорались строения в Ачуеве и пожар длился целые сутки. Но в полночь снова начала повышаться вода, разнесшая мост. Полковник Бахметев, осаждавший Ачуев, вынужден был на лодках переправиться с войском и артиллерией 22 сентября в русский лагерь.

Тем и окончилась попытка взять Ачуев. Прибывшие сюда же посланцы от калмыков сообщили, что часть калмыков расположилась по Кагальнику и Ее, а часть у Ангалах, т.е. у нынешнего Ангелинского ерика. Починившись и оправившись, флотилия отправилась морем по прежнему пути назад, а донская конница двинулась на Дон снова вдоль берега также по прежнему пути.

Письмом от 8 октября 1746 года новый Кубанский сераскир Сеадет-Гирей уверял войскового атамана Данилу Ефремова, что произведенный перед тем набег на Дон, с явной целью добыть языка, был устроен не татарами, а кабардинцами, и без ведома его, Сеадета. Во втором письме от 30 октября тот же сераскир употребил в дело тон оскорбленной невинности, видя в действиях атамана Ефремова недоверие к измышленному им, Сеадетом, бое татар с кабардинцами и базадокцами, которых якобы преследовали татары после того, как на Дону было два человека убито, один умер от ран и один взят в плен. Сераскир честью заверял, что ввиду дружественных отношений между Россией и Портой он, Сеадет-Гирей, не может говорить неправды. В таком же духе писал и Крымский хан войсковому атаману Даниле Ефремову на Дон.

Впоследствии же выяснилось из постановления Военной коллегии от 26 декабря 1746 года, что набег на Дон произвели татары не без участия сераскира Сеадет-Гирея. Дело в том, что носились слухи о разрыве мира Турции с Россией и о приготовлениях турок к войне. Набег, надо полагать, произведен был с целью добытия языка, и плененный молодой казак, вероятно, был препровожден в Турцию для снятия показаний. Но в данном случае дело на этом и остановилось.

С появлением на Северном Кавказе в роли командующего войсками генерал-майора де Медема русское правительство, или, вернее, этот деятельный генерал попробовал склонить горцев к более мирным отношениям с русскими путем взаимных договоров. В этих видах генерал Медем послал к кубанским черкесам кабардинского владельца Джанхота Сидокова и узденя Шабаз-Гирея, а после присоединил к ним дворянина Терского войска ротмистра Батырева. Посланные побывали в числе прочих у предводителей важнейших черкесских племен – темиргоевцев и бесленеевцев, всюду склоняя принять русское подданство, дать присягу и аманатов. Переговоры эти длились и затягивались. Черкесы полуизъявляли желание войти в мирные отношения с русскими, но ссылались то на неудобства своего положения при зависимости от турок, то на необходимость посоветоваться с кабардинцами и другими горскими племенами. Кабардинцы в это время приняли уже русское подданство и являлись как бы посредниками между русскими и черкесами. Сам Джанхот Сидоков был знатным владельцем в Кабарде.

Однако за всеми этими переговорами и отговорками сквозило явное нежелание кубанских черкесов принимать русское подданство. В конце концов темиргоевцы и бесленеевцы,

как главенствующие племена, заявили, что они не согласны ни быть «в вечном подданстве» у России, ни дать аманатов, а склонны дать только присягу и подписку о том, чтобы «с русскими не воевать и воровских набегов на русские жилища не производить». Но именно этим двум обещаниям меньше всего можно было верить. Русские собственно и добивались подданства черкесов с целью прекращения военных действий и воровских набегов; а черкесы жили войной и военными грабежами, и едва ли нашелся бы хоть один владелец, который мог бы удержать подвластное ему племя от набегов и грабежей, в чем истые горцы видели молодечество, удаль и своего рода героизм.

Более прямые и откровенные предводители черкесов открыто высказывались против всяких союзов с русскими. «Известный же вор и злоумышленник», выражаясь языком русских официальных бумаг, Арсламбек (он же Сокур) Аджи и его сын Биарслан напрямик заявили ротмистру Батыреву, чтобы он больше на Кубань не ездил, угрожая в противном случае поймать его и отослать к Крымскому хану, так как они считали Батырева не посланником, а шпионом, который один прекрасно знал все кубанские и крымские дороги и, следовательно, мог попутно с мирными переговорами доставлять русским очень важные сведения для военных целей. Отец и сын не ошиблись. Когда на Кубани собралась партия черкесов в 500 человек, намеревавшаяся произвести набег на русские поселения, узнавший про это Батырев успел известить генерала Медема о готовящемся нападении.

Таким образом, хлопоты посланных генералом Медемом кабардинцев Джанхота Сидокова и Шабаз-Гирея с ротмистром Батыревым не привели к желанным результатам. Только ногайцы, как ближайшие соседи русских, дали присягу на подданство России. Сам Батырев пришел после неоднократных своих поездок за Кубань к тому заключению, что не было положительно никакой надежды на то, чтобы кубанские черкесы доброй волей согласились вступить в подданство России. Сообразно с этим, и генерал Медем в своем доношении императрице Екатерине II от 13 ноября 1769 года писал: «Сколько я не старался ласковостью склонить (горцев) в подданство Вашего Императорского Величества, но ни что не предъуспело, почему не остается иного способа, как поступить с ними, употреблением оружия Вашего Императорского Величества».

Свои дальнейшие намерения генерал Медем отложил до следующего года.

По плану генерала Медема, русские войска должны были весной соединиться с калмыцкими и вместе двинуться за Кубань. В это же время кабардинцы должны были послать депутата к Екатерине II с выражением верноподданнических чувств. Но война с турками и носившиеся слухи о помощи их горцам, по-видимому, поколебали кабардинцев. Под разными предлогами они начали оттягивать посылку депутата в Петербург, в действительности же поверили слухам, что султан турецкий отправил на Кавказ массу золота для горских племен, и поэтому кабардинцы были склонны отложиться от России. Вскоре они разбились на две партии – сторонников России и противников ее. Сторонники решили одни послать депутата от себя, известного Джанхота Сидокова, который был раньше избран всеми кабардинцами. Тогда в свою очередь и противная России партия выставила своего кандидата в депутаты Коргока Татарханова, чтобы скрыть таким образом следы своего сочувствия к Турции. Все это связывало генерала Медема и мешало ему осуществить план набега на закубанских черкесов.

К тому же и калмыки действовали несогласно с планом Медема. Наместник калмыцкого ханства Убаша хотел действовать самостоятельно и не желал соединяться с русскими войсками. Напрасно Медем старался убедить его в том, что, действуя независимо от нее, он может причинить вред тем из горцев, которые склонны или же пожелали принять подданство России. Убаша стоял на своем. В то время, когда калмыцкие войска были уже почти на Кубани, новое обстоятельство – набеги чеченцев на русские владения и на дорогу в Грузию – заставили на время отложить поход русского корпуса за Кубань.

Когда наконец генерал Медем наказал примерно чеченцев, явилась возможность двинуться за Кубань. 8 июля Медем сообщил императрице о покорении чеченцев и об обращении в подданство России их вместе с Али Султаном Казбулатовым и о движении на Кубань для соединения с калмыцкими войсками. Прежде, чем произошло это соединение, кубанский Казигирей султан и очень многие мурзы просили у калмыцкого хана содействия для перехода в подданство России, о чем хан дал знать генералу Мелему. Калмыки и бывший при них русский полковник Кишенсков еще до прибытия Медема послали полуторатысячную партию калмыков для розысков и выяснения, в каком состоянии находились города – Копыл, Темрюк и Тамань. Партия эта, следуя вдоль Кубани, на всем своем пути до Копыла не встретила ни одной души. Старого Копыла, когда-то сожженного русскими и калмыками, не оказалось также на прежнем месте. Новый Копыл выстроен им на острове Кубани. Несколько дней калмыки простояли в скрытом месте вблизи Копыла, но во все это время ни в Копыл, ни из него не последовало ни единой души. Тогда калмыки попытались взять крепость приступом. Не имея возможности подойти к крепости на судах, они бросились вплавь на лошадях с одними копьями и саблями, но Копыл оказался окруженным земляным валом с глубоким рвом и укреплённым рогатинами. Тогда калмыки бросились к воротам и пробовали попавшимися под руку камнями разбить их. Проломав небольшие дыры, они не могли проникнуть в город, так как неприятель поднял оружейную и оружейную пальбу. Потерявши одного убитого и шесть раненых, калмыки отступили от Копыла и бросились вплавь через Кубань к своей стоянке, а оттуда направились к главным своим силам.

Генерал Медем выступил из Моздока 3 августа с 2163 человек войска. 15 августа в пути он получил от полковника Кишенскова рапорт о том, что калмыки кинулись за Кубань. 7 августа шли всю ночь, 8-го переправились через Кубань и продолжали путь безостановочно днем и ночью, а 9-го на рассвете подошли к неприятельским жилищам. Разделивши силы на две части, калмыки произвели наступление, и хотя встретили сильный отпор со стороны неприятеля, но сломили его и заставили разбежаться в разные стороны. При этом было убито до 100 черкесов и 23 человека взято в плен, калмыки потеряли 12 убитыми и 20 человек было ранено. А главное, они захватили массу скота и одних баранов до 500 тысяч голов. Захват скота, наверное, и был той побудительной причиной, под влиянием которой калмыки не хотели соединяться с русскими.

11 августа калмыки снова переправились на правый берег Кубани, а 20 августа стал вблизи их лагерь и генерал Медем. В это время к генералу явился мурза Атажука Ахлов, принявший русское подданство, и просил защитить его от горцев, собравших трехтысячное войско для нападения на жилище мурзы и его подвластного населения. Медем распорядился 21 августа послать в помощь Ахлову казаков и тысячу калмыков. Но 28 августа калмыки самовольно ушли из охранительного отряда.

21 августа посланы были от калмыцкого хана и генерала Медема к бесленеевцам, темиргоевцам и другим черкесским племенам, находившимся под властью турок, манифесты о призыве их в русское подданство. Горцам поставлен был ультиматум: или принять русское подданство, или же подвергнуться оружию русских и калмыков. Горцы объявили посланным, что они приняли их за шпионов, и была даже попытка изрубить их; но потом они отпустили посланцев, предупредивши, чтобы они больше к ним не являлись и писем не возили, так как все горцы будут стоять до последней капли крови за веру и отечество. В этом случае закубанские черкесы оказались более несговорчивыми, чем при мирных переговорах. В это время к черкесам прибыл посланник турецкого двора Чухадар Сулейман Ага с крымскими мурзами и привез целую арбу золотой монеты для раздачи горцам. Это, разумеется, еще больше укрепило черкесов в намерении идти против русских. Турецкие посланцы обещали также черкесам прислать в помощь некрасовских казаков и пушки.

Тогда генерал Медем предложил наместнику калмыцкого ханства соединиться с ним и двинуться соединенными силами против горцев. Четыре дня генерал Медем уговаривал наместника привести в исполнение предложенный им план наступления на черкесов. Убаша остался глух к убеждениям и решил уйти в свои улусы. 31 августа калмыки сняли лагерь и отправились к Волге. А 1 сентября Медем получил через секунд-майора Таганова от кабардинского владельца Касая Атажукина известие о том, что закубанские черкесы собрали на присланные турецким правительством деньги до 30 тысяч войска. Медем послал гонца просить помощи у Убаши. Но и на этот раз наместник калмыцкого ханства не послал генералу войска, считая слухи о тридцатитысячном отряде вымыслом.

Медем вынужден был снять свой лагерь и двинуться к русским границам. Отряд Медема занял позиции у Бештовых гор или Пятигорья. Черкесы в свою очередь не решились преследовать русских, подозревая, что калмыки ушли не в свои улусы, а скрылись в засаде. Когда же выяснилось, что калмыки действительно ушли на Волгу, время для преследования было упущено. Горцы попытались было напасть на лагерь Медема у Пятигорья, но предупрежденный об этом генерал выслал против них два отряда, и, несмотря на малочисленность русских, обстоятельства так сложились, что горцы были разбиты. На зиму генерал Медем ушел на линию и сам возвратился 26 октября в Моздок.

Весну и большую часть лета следующего, 1771 года, русское войско, находившееся под командой генерала Медема, провело спокойно. Горцы не предпринимали враждебных действий; Медем не располагал надлежащими силами, чтобы двинуться за Кубань, не открывши границы для набегов. В начале июня месяца Медем получил от полковника Дондукова известие о том, что партия закубанских черкесов в 700 человек, под предводительством мурзы Сокура Рослан Бека, отправилась в донские места на грабежи. Кабардинский владелец Касай Атажукин и секунд-майор Тоганов уведомляли также Медема, что черкесы, начиная с Копыла и до верховьев Кубани, соединились и вместе с некрасовскими казаками переправились через Кубань и тремя отдельными частями пошли к Дондукову и по Калаусу. Медем с своей стороны поручил полковнику Дондукову встретить с русскими войсками и калмыками неприятеля в надлежащих местах. Поисками, однако, не были обнаружены следы горцев. Меняя несколько раз направление, войска двигались с расчетом встретить неприятеля. Кабардинцы также находились в беспокойном состоянии, и Медем опасался, что они соединятся с закубанскими горцами, почему располагал движение отрядов так, чтобы воспрепятствовать этому соединению.

И в то время, когда Медем, усиливая действующие отряды новыми подкреплениями, указывал места для передвижения их, 19 июля он получил от майора Криднера известие, что горцы разбиты за Кубанью русским отрядом под командой его, Криднера. Оказалось, что известный предводитель горцев Сокур Арсланбек пробрался на Дон, напал здесь на Романовскую станицу, ограбил ее и, забравши пленных, отправился за Кубань. Узнавши об этом от русского мальчика, взятого горцами в плен в Романовской станице и бежавшего по дороге из-за Кубани, с места, где расположился Сокур Аджи, полковник Дондуков, выделивши часть войска с майором Криднером, сам с остальными силами двинулся по следам успевших уже уйти за Кубань черкесов. Передовой отряд в сто человек при поручике Урахове и донском полковнике Карпе Кирееве нагнал неприятеля в 13 верстах от Кубани вблизи Лабы. Сокур Аджи успел уже соединиться с кочевавшим здесь населением. Отряд атаковал черкесов, вскоре к нему присоединился с главными силами и майор Криднер. Сражение произошло вблизи степной речки Джекинли и длилось с 5 до 12 час. ночи. Несмотря на упорное сопротивление, черкесы были разбиты. На месте было оставлено 532 трупа, в том числе несколько мурз, узденей и Биараслан, старший сын предводителя Сокури Аджи, разорено было до 1000 кибиток, пленено до 300 душ, и в том числе дочь Казбулата и жена с дочерью Бек Мурзы, влиятельных горских предводителей, отбито двое мужчин и четыре женщины, плененных в Романовской станице, и захвачено до 13 000 голов разного рода скота. Разбитые горцы поспешно отправились в горы,

а русские войска двинулись назад на линию, опасаясь преследовать дальше неприятеля ввиду свирепствовавшей за Кубанью моровой язвы.

К обычным неурядицам и столкновениям народностей на Северном Кавказе присоединились новые обстоятельства, могшие осложнить ход дел. Как видно из реляции генерал-майора де Медема, Екатерина II разрешила четырем татарским ордам – Едисанской, Буджацкой, Джембулукской и Едичкульской – перекочевать из крымских владений на Северный Кавказ. Для татарских кочевков были назначены места от р. Чубура по р. Ее к ее верховьям и отсюда по трем Егорлыкам и Калаусу и «далее, если нужда настоять будет, по степям к Астрахани». Орды, как сказано в реляции, должны были находиться под протекцией России. В действительности же отдельные партии татар соединялись с горцами и делали набеги на Дон и русские владения, и в важных случаях, когда волнения охватывали под влиянием турецкой агитации горские племена Северного Кавказа, в общем движении принимали прямое или косвенное участие и татары. Кочевники эти, с которыми южнорусское казачество вело столь долгую и упорную борьбу, во всяком случае, вредили спокойствию русских границ и пограничного населения.

Волнения в среде кабардинцев и закубанских черкесов побудили осенью 1771 года генерал-майора Медема направить русские войска за Кубань с карательными и предупредительными целями, и майор Криднер проник с небольшим отрядом за Кубань далеко в горы, преследуя одного из наиболее враждебных русским владельцев черкесов Келемета. Келемет с своим аулом убрался на время в недоступные части гор. На месте стоянки русские захватили только 450 штук скота. Но когда Криднер двинулся обратно к Кубани, черкесы начали преследовать и тревожить его отряд. Ночью черкесы пытались угнать лошадей, принадлежащих отряду, и захватить пикет, но неудачно. Стычки окончились поражением одного казака в отряде и 5 убитыми черкесами.

Движения русских войск за Кубанью, в пределах черкесского местожительства, заставило их подумать о своем положении. Некоторые из владельцев сами предложили принять русское подданство, чтобы избавиться от нашествия русских войск и соединенных с таким нашествием реквизиций и разорения. 15 октября к премьер-майору Фромгольту, действовавшему по поручению Медема с особым отрядом по р. Лабе, явились представители некоторых горских племен, приняли присягу на русское подданство и от четырех фамилий – Кипчаковой, Манготовой, Наврузовой и Казбулатовой – дали четырех аманатов.

В 1771 году, по мысли графа Румянцева, проектировалась еще одна мера, долженствовавшая способствовать более спокойному состоянию племен, населявших Северный Кавказ. Как видно из ордера графа Румянцева генерал-майору Бринку от 27 ноября 1771 года, на Кавказе предполагалось образовать удельное ханство для Шагин-Гирея в случае, если бы этот последний не был утвержден крымским ханом.

Проектированная Румянцевым мера находилась в связи с тем обстоятельством, что в это время в нынешнюю Кубанскую область передвинуты были ногайские татары, кочевавшие в Бессарабии, под общим именем Буджацких татар. Попавши под покровительство России, татары сами просили русское правительство переселить их на Кубань. Поэтому четыре орды: Едисанская, Едишкульская, Джембулукская и Буджацкая в мае 1771 года перешли р. Дон и заняли степные части нынешней Кубанской области. Применительно к требованиям своего кочевого быта, татары расположились отдельными ордами вдоль степных речек Еи, Ясеней, Албашей, Челбас, Бейсугов, Керпилей, азовских рукавов Кубани и проч. Часть их осела в пределах нынешней Донской области по левому берегу р. Кагальника, или старинного Каяла.

Как видно из донесения знаменитого Суворова князю Потемкину, отдельные орды состояли приблизительно из следующего количества семей: в Едисанской орде, делившейся на два поколения – правое и левое, считалось около 20 000 казанов или семейств, в Едишкульской, состоявшей из четырех поколений – Минского, Бурлацкого, Казшацкого и Каракитайского, – 24 000 казанов, в Джембулукской 11 000 казанов и в Буджацкой 700 казанов. Далеко раньше до

этого переселения на правом берегу Кубани кочевали еще три ногайские орды – Наврузская до 8000 казанов, Бестинеевская до 6000 казанов и Касаевская до 4000 казанов. Таким образом, на Кубани в то время было около 73 700 семейств, или до 370 тысяч душ обоего пола, считая семью в 5 душ обоего пола.

При таком численном составе ногайские орды были сразу же поставлены в неблагоприятные политические и хозяйственные условия, благодаря, с одной стороны, близости к занятой ими местности других народностей, а с другой – условиям кочевого быта с примитивным скотоводческим хозяйством. С севера сидели донецкие казаки, занявшие Маничскую степь и все пространство до р. Кагальника, с востока кочевали калмыки и возникли русские поселения по линии, соединившей донское казачество с терскими казаками, с юга по левому берегу Кубани разбросаны были давнишние обитатели этой части Кавказа – черкесские племена, а с запада край отрезан был Азовским морем с его многочисленными лиманами, озерами и болотами. Ногайские орды очутились таким образом как бы в тисках. Раньше осевшие народности вели то же скотоводческое хозяйство, что и вновь прибывшие ногаи. Естественно, что старожилы не могли добровольно поступиться смежными степями и пастбищами в пользу пришельцев и что на этой почве неминуемо должны были происходить столкновения, недоразумения и кровавые распри.

Так и случилось. Дело началось с того, что кочевавшие раньше по правому берегу р. Кубани три ногайские орды, как только прибыли из Бессарабии их соплеменники, вынуждены были, вследствие стеснения в пастбищах, перейти на левую сторону Кубани. Но осевши здесь в соседстве с черкесскими племенами и сдружившись с ними, эти три орды татар сразу же стали во враждебные отношения к четырем пришедшим ордам и сделались потом непримиримыми их врагами. Калмыки также не могли поступиться своими владениями, как кочевники, а черкесы были союзниками трех старых татарских орд. Наконец донские казаки были исконными врагами татар и зорко следили за своими владениями, особенно за ценной для кочевников Манычской степью.

Собственно, серьезными противниками прибывших татар были одни донские казаки. Не говоря уж об исторически сложившейся неприязни казака к татарину, донцы и свое скотоводческое хозяйство вели в ту пору подобно татарам. Сена казаки почти не заготавливали, и главная масса скота находилась и летом и зимой на подножном корму. Поэтому неурожаи трав и суровые, многоснежные с гололедками зимы также были страшны для казака, как и для татарина. Скот погибал тысячами. Так, в суровую зиму 1780 года на Дону погибло до полумиллиона штук рогатого скота, лошадей и овец. Понятно, что казаки ревностно оберегали свои пастбищные места и степи и готовы были при малейшем подходящем случае свести свои старинные счета с исконными врагами – татарами.

Осевшие прикубанские татары считались подданными крымских ханов сначала Сагиб-Гирея, а потом Шагин-Гирея; ханы же, в свою очередь, находились под покровительством России. Со стороны русского правительства представителем состоял пристав татарских орд, которым назначен был подполковник Лешкевич. Пристав имел пребывание с небольшой военной командой в Ейском укреплении, в конце косы, пролегающей к нынешнему городу Ейску. Отсюда он следил за татарами и по своим обязанностям должен был не только наблюдать за ними, но и защищать их интересы при столкновениях с соседями. Подполковник Лешкевич, видимо, так и выполнял свои обязанности, почему его недолюбливали донские казаки как человека, лишившего их возможности «разделяваться» при всяком случае с татарами и державшего их в неопределенном выжидательном положении разноречивыми сообщениями о намерениях татар.

Что касается внутренних распорядков в татарских ордах, то в основе взаимоотношений татар лежало родовое начало и семейный союз – «казан», так как вокруг казана, котла для пищи, объединялась татарская семья. Орды же управлялись беями, т.е. князьями – родона-

чальниками. Влиятельным беем, оставившим заметные следы о своей деятельности в татарской истории, был Джан Магомет-бей, энергичный и умный старик, без обычной татарской лукавости, на слово которого можно было положиться.

Первой бедой, обрушившейся на головы ногайских татар, были собственные их неурядицы. Дело в том, что в среде татарских представителей ханского рода шла борьба из-за престола. В год переселения татар из Бессарабии на Кубань крымским ханом был Сагиб-Гирей, сторонник России. Противник его Девлет-Гирей, приверженец Турции, пытался с помощью мятежа свергнуть Сагиб-Гирея с престола, но безуспешно. В 1773 году турецкий султан предоставил в распоряжение Девлет-Гирея целую армию, численность которой по одним сведениям доходила до 40 000, а по другим даже до 80 000 человек. Войска эти погружены были в Синопе на 120 галиотах, т. е. больших турецких судах, и во главе их стали Девлет-Гирей и турецкий паша Хаджи-Али-бек. Армия направилась к Суджук-кале, нынешнему Новороссийску, чтобы здесь высадиться. Но вблизи этого города, против урочища Карабурун, турки неожиданно столкнулись с русским флотом, находившимся под начальством вице-адмирала Синявина. Это было 21 августа 1773 года. Бой начался потоплением русскими выстрелами неприятельского судна, а закончила его ужасная буря, поднявшаяся на море. Турецкие суда были разнесены по морю, из 120 галиотов уцелело только 23 с войском от 9 до 12 тысяч. Вот эти остатки турецкой армии и высажены были Девлет-Гиреем в Суджук. Отсюда и начал свои поиски за ханский престол Девлет-Гирей.

Потерянные на море части войска Девлет-Гирей решил пополнить черкесами и ногайскими татарами. С этой целью он повел деятельную агитацию между горцами за Кубанью и татарами в степях. Он пустил в ход подарки и всюду показывал султанский фирман, которым повелитель «правоверных» приказывал мусульманам стать под его знамена для борьбы с «гяурами», неверными. Не столько религиозный фанатизм, сколько подарки оказали воздействие на горцев. Кабардинцы, черкесские князья, едишкульские мурзы и пр. дали согласие на участие в войне против русских; в самом Крыму влиятельные ширинские мурзы, не благоволившие к хану, обещали помощь Девлет-Гирею. Оставалось склонить к тому же самого влиятельного между татарскими беями Джан-Магомета. Но прямой и правдивый старик, в душе ненавидевший русских, хорошо помнил тот ужасный погром, который был произведен русскими войсками у татар во время последней турецкой войны, когда великий визирь отказался пропустить через Дунай в Турцию единоверных татар, и немедленную помощь со стороны тех же русских, как только татары признали власть России. Поэтому, несмотря ни на какие подарки и происки Девлет-Гирея, Джан-Магомет-бей решительно отказался от участия в его рискованном предприятии. Горские князья, обратившиеся к Джан-Магомет-бею за советом по этому поводу и узнавшие его мнение, дали слово отказаться от данного ими обещания Девлет-Гирею и не идти против России.

Узнавши об этом, Девлет-Гирей принял выжидательное положение, не переставая волновать татар и горцев. По его советам и проискам едишкульские татары ворвались внезапно в Донскую область, напали на Романовскую станицу, перебили часть жителей, разорили жилища и, захвативши скот и имущество, двинулись обратно в степи. Но казаки успели догнать татарскую партию, разбили ее наголову, убивши на месте до 40 татар и отбивши обратно скот и имущество.

Таким образом, искра была брошена в горячий материал, вражда между казаками и татарами приняла характер взаимной угрозы. Этого только и нужно было Девлет-Гирею. Первые союзники хана были найдены. В то же время изменились и политические обстоятельства в пользу Девлет-Гирея. В Турции, после умершего султана Мустафы, вззошел на престол его слабый наследник Абдул-Гамид, благоволивший к Девлет-Гирею. Новый султан прислал ему сильное подкрепление войском, и Девлет-Гирей предпринял решительные действия против России и союзных ей татар. В начале марта 1774 года он послал значительный отряд под начальством

своего брата калги Шаббас-Гирея для покорения Джамбулукской орды, а сам с 10 000 турок и татар двинулся туда же из Тамани другой дорогой. Но прежде, чем он успел соединиться с братом, последний был разбит русскими войсками и донскими казаками в верховьях реки Еи.

Эта неудача только раздражила Девлет-Гирея. Он решил во что бы то ни стало отомстить русским при первом удобном к тому случае. Такой случай скоро представился. Узнавши, что пристав татар полковник Стремоухов снарядил большой обоз с провиантом для войск, расположенных на Кубани, Девлет-Гирей вместе с горцами перерезал путь военному транспорту, сопровождаемому двумя полками донских казаков при одной пушке, и сделал засаду в скрытом месте у реки Калалы. Девлет-Гирей располагал в 20 раз большими силами, чем донцы, и заранее был убежден в победе и приобретении больших запасов хлеба, служившего особенно заманчивой приманкой для его войска.

Казаками командовали полковники Ларионов и знаменитый впоследствии Платов, которому было в ту пору всего 23 года. Когда донцы расположились на ночлег, к Платову подошел один из старых казаков и предложил ему прилечь ухом к земле. На вопрос казака, что слышит молодой полковник, последний ответил, что слышит шум, похожий на крик птиц. Опытный казак объяснил, что это действительно кричат птицы, но птицы кричат ночью тогда, когда бывают разложены огни и, судя по крику птиц на большом пространстве, огней должно быть много. Из этого казак заключил, что вблизи должно находиться много татар и что к утру надо ожидать их нападения на транспорты. Платов и Ларионов немедленно распорядились устроить вагенбург, т.е. род ограждения людей повозками и кулями с хлебом, и казаки засели в этом вагенбурге.

Догадки казака оправдались. Ранним утром татары, предводимые ханом, с ужасными криками «Алла! Алла!» стали окружать казаков. Завязался ожесточенный бой. Казаки усиленной перестрелкой не позволяли татарам подойти к своему нехитрому укреплению, засевши за повозками. В самом начале боя Платов выбрал двух казаков на лучших лошадях и поручил им прорваться через татарский строй и перебраться на другую сторону р. Калалы, чтобы известить об опасности стоявшего здесь с полком полковника Бухвостова. Окруженные небольшой командой, казаки бросились на татар. Татары сразу же рассеяли нападавших, заставивши казаков искать спасения в вагенбурге. Но меткий огонь из пушки, ружей и пистолетов, произведенный отсюда, заставил в свою очередь отступить и татар. Семь раз с ужасными гиками татары бросались на казаков и семь раз были отбиты. У казаков была перестрелена треть лошадей, убито и ранено немало людей. Казаки пришли в отчаяние, полковник Ларионов колебался и стал советоваться с Платовым, не лучше ли сдаться татарам. Но Платов решительно восстал против этого, рассчитывая на скорую помощь. И действительно, из посланных двух казаков один был убит в первой стычке с татарами, но другой успел проскользнуть и известил Бухвостова об отчаянном положении казаков и транспорта.

Скоро Платов заметил вдали поднимающуюся пыль и обратил на нее внимание казаков. Казаки различили за пылью скачущих всадников. Это скакали донцы с полковником Уваровым. Стремительно бросились они на татар, а Платов то же сделал в свою очередь, посадивши на лошадей часть своих казаков. Татары были опрокинуты. Смешавшись, они натолкнулись на гусарский полк, с которым спешил на помощь Бухвостов. И татары в конце концов были разбиты. Около пятисот татар осталось на месте убитыми и масса раненых. Впоследствии выяснилось, что Девлет-Гирей располагал отрядом в 20 000 человек и что, кроме татар и черкесов, в отряд входили нескрасовские казаки и какие-то «арапы», по донесению Бухвостова. Со стороны русских было убито восемь, 15 без вести пропало и 54 человека ранено, лошадей убито 288 и ранено около трехсот.

Разбитый при Калалах Девлет-Гирей продолжил, однако, волновать татар и черкесов, вербуя в среде их сторонников с помощью подарков и разного рода обещаний. Обстоятельства благоприятствовали ему. В это время Пугачев громил Поволжье и казаки были отвлечены для

борьбы с ним; с востока грозили донскому населению, лишенному военных сил, калмыки и киргизы; на русские войска, стоявшие по Кубани, стали нападать черкесы в разных местах. Произошел целый ряд сражений, закончившихся, однако, не в пользу горцев, татар и Девлет-Гирея. Так, 20 мая 1774 года донские казаки, посланные на разведку под командой полковника Уварова, встретили партию черкесов на р. Лабее и разбили ее, пленивши 8 человек.

В начале июня отряд из регулярных и казачьих полков Бухвостова, Уварова, Платова и Данилова в кровопролитном и упорном сражении разбил громадное скопище черкесов вблизи татарского города Копыла. В разгаре битвы полки Уварова и Бухвостова, преследуя неприятеля, ворвались в самый Копыл и овладели им. 21 июня русские войска, посланные в горы против натухайцев и едисанских татар, вновь разбили наголову неприятеля. 7 и 8 июля русские отряды вели жаркую перестрелку с темиргоевцами, а 9 июля многочисленная толпа горцев напала на русский отряд, находившийся под начальством бригадира Бринка, но была разбита. Наконец, 3 августа произошло еще одно сражение между русскими войсками и черкесско-татарскими, в то время, когда русский отряд под командой Бибикина переправлялся через Кубань на степную сторону от натухайских владений. Горцы устроили засаду, и отряд очутился в очень опасном положении, и только благодаря трем донским казачьим полкам, переправившимся вплавь через Кубань на лошадях под градом неприятельских пуль и отгнавшим татар, русские войска перешли Кубань. Это было последнее сражение с черкесами, так как 21 июля 1774 года был заключен Кючук-Кайнарджийский мир с Турцией и черкесы добровольно прекратили военные действия.

Во все это время Девлет-Гирей принимал деятельное участие в организации черкесских и татарских партий для борьбы с русскими. Лично он рассчитывал захватить с помощью чеченцев города Моздок и Кизляр, но чеченцы и здесь не имели успеха. Когда же был заключен мир и обнаружилось, что Девлет-Гирей все время преследовал свои личные цели, пытаясь объединить татар и сделаться независимым от Турции ханом, – турки по приказанию султана Абдул Гамида схватили Девлет-Гирея и отправили в Константинополь.

Кючук-Кайнарджийский мир ненадолго, однако, обеспечил спокойствие в кубанских степях. Уже в начале 1777 года стало известно, что турецкий султан Абдул Гамид дал тайное повеление горцам о нападении на русских и обещал, в случае успеха, дать черкесам в подкрепление турецкие войска. И черкесы заволновались. 6 июня, в 20 верстах от Темрюка, на одном из постов было замечено неприятельское судно, скрывшееся в камышах. Извещенный об этом донской полковник Кульбаков поскакал с казаками и гусарами на этот пост. Хотя здесь его и успокоили, что опасности нет, но, отпустивши гусар, он распорядился, чтобы казаки не расседлывали лошадей и чтобы караульные зорко следили за окрестностями. К вечеру усилился ветер, и местность покрылась густым туманом. И вот под покровом тумана черкесы ночью подкрались к посту и начали резать спящих казаков. Пока казаки разобрали, в чем дело, многие из них поплатились жизнью; но скоро они оправились, сели на лошадей и разбили в свою очередь черкес. Немного спустя черкесы также ночью напали на донской полк Буколова, но были опять отражены. Наконец в декабре того же 1777 года очень значительный по численности отряд черкесов перешел Кубань и напал на татарский город Копыл, в котором были расположены русские войска, но и здесь, после кровопролитного сражения под стенами города, черкесы ушли за Кубань разбитыми.

В 1777 году русские войска занимали Северный Кавказ по двум линиям – от Черкаска на Ставрополь и далее и от Черкаска берегом Азовского моря до Тамани и отсюда до Копыла и несколько выше по Кубани пикетами. Собственно же прикубанские степи – нынешние Ейский, Кавказский и части Екатеринодарского и Темрюкского отделов – находились под кочевьями татарских орд.

В том же 1777 году возникла мысль об усилении кавказских войск. Генерал-майор Якобий представил 28 сентября князю Потемкину Таврическому проект сформирования двух

казачьих полков – Хоперского и Волгского. Хоперские казаки жили в Новохоперской крепости, нынешнем г. Новохоперске Воронежской губернии, в находящихся вблизи нее станицах Красной, Пыховке и др. По роду службы хоперцы делились на комплектных и некомплектных. Первые, как и другие казаки, получали жалованье от казны, вторые содержались на собственный счет. Но те и другие употреблялись исключительно для внутренней службы – «для сыску воров и разбойников». Генерал Якобий предложил образовать из хоперцев определенный по штату казачий полк с обычным для казаков жалованьем, провиантом и фуражом. Так было положено начало хоперскому полку, который вошел частью в состав нынешней Кубанской области. Как видно из справки по рапорту генерала Якобия, хоперский полк пришел на линию 26 ноября 1777 года, и так как неизвестно было, какое и в каком размере жалованье и содержание будут получать казаки, то до разрешения этого вопроса решено было им выдавать только месячный провиант.

Орденом графа Румянцева от 29 ноября 1777 года командующим кавказским корпусом был определен знаменитый полководец, в ту пору генерал-поручик Суворов. Войска, находившиеся под командой Бринка, поступили также в распоряжение Суворова. Таким образом, нынешняя прикубанская часть области на некоторое время стала ареной деятельности одного из выдающихся в истории военных деятелей.

Между тем черкесы продолжали враждебно относиться главным образом к русским войскам. Так, в ноябре месяце черкесы переправились на двух лодках через Кубань и напали на казачий пикет, но своевременно были отражены, оставивши на берегу в первую ночь двух горцев убитыми, а во вторую трех, причем убит был также и казак.

По донесению подполковника Лешкевича с Еи, горцы пробирались также на р. Челбасы. Здесь они напали на татар Едисанской орды и отбили много лошадей, направляясь к вершине р. Бейсуга. Но капитан Пейч с русским отрядом и татарами отбил лошадей. Русский отряд возвратился потом в Ейский редут, донеся по начальству, что на «Челбасских развалинах» было истрачено «семь пушечных зарядов и сожжено десять сажен фитиля».

Около того же времени до начальства стали доходить слухи о скопищах черкесов выше деревни Заны, о присоединении к этому скопищу Батыр-Гирея султана с татарами и о прибытии в Суджук-кале до тысячи турок. Движение горцев началось с малых отрядов. Сначала переправилось через Кубань около 200 человек горцев в 70 верстах выше деревни Заны. Разделившись на две партии, одна схватила на посту казака, а другая отбила у татар до 40 волов и взяла семь татар Едисанской орды. Погоня из русских и татар отбила только одних волов, но не могла настичь черкесов.

29 ноября генералу Бринку сообщил сераскир, что черкесы начали переправляться через Кубань в трех местах выше и ниже Зан значительными скопищами. Генерал-майор Бринк нарочно допустил черкесов перейти Кубань, оставшись сам в наблюдательном положении. Горцы имели в виду, разбивши русских, забрать с собой татар за Кубань. Горцы, жившие в Занах, сразу же стали переправлять свои семьи и имущество за Кубань на черкесскую сторону. Местами двинулись и татары к Кубани частью по предварительному соглашению с черкесами, а частью принужденные к тому силой. С своей стороны, генерал Бринк, выбравши удобный момент, приказал полковнику Барабанщикову с донским полком двинуться против черкесов и постараться навести их на засаду. Барабанщиков искусно провел этот маневр, и горцы были разбиты.

Одновременно, т.е. 29 ноября, собравшиеся скопища горцев начали переправу и в другом месте – на Таманском острове. Около шестидесяти парусных лодок с черкесами направились лиманами к Таманскому берегу, избравши местом высадки и нападения редут, расположенный у косы; но командир редута капитан Зыков дал сильнейший отпор врагам, вынужденным ретироваться обратно в горы.

Таким образом, разбиты были обе партии черкесов. Предположенный ими план не осуществился. Татары возвратились на свои места, только некоторая их часть да жители Зан ушли с черкесами в горы. Уход черкесов из Зан Бринк считал очень важным, так как занцы всегда держали себя двусмысленно, а оставивши совсем Заны, бывшие единственным черкесским селением на правом берегу Кубани, они тем самым очистили Кубанское правобережье и дали возможность для более правильных наблюдений за всеми черкесами.

В начале 1778 года прибыл на Кубань Суворов. 17 января он донес об этом графу Румянцеву, а 28-го из лагеря при Копыле сообщил ему об осмотре местности по всему Таманскому полуострову. Суворовский рапорт по этому поводу дает сжатую и интересную характеристику местности и положения русских войск. Из русского лагеря при Копыле Суворов отправился через Темрюк в Тамань, отсюда к устью черноморского рукава Кубани, а затем левым берегом ее до Копыла. Первое, что бросилось в глаза Суворову, это изменения в географии края. Неподалеку от Темрюка, где по прежним картам значился залив, Суворов нашел свободный «проезд» верхом и на возах, покрывавшийся только во время весеннего половодья на полтора аршина водой. Ближе к Темрюку был пролив, соединявший лиман с морем, глубиной от трех до пяти четвертей, а по сторонам дороги прилегала болотистая, поросшая камышами местность. По дороге к Тамани Суворов нашел старинную гавань с укреплением и базаром. В 12 верстах от Тамани устье Кубани, «выходящее заливом», и отсюда в десяти верстах Кизилташ, где остались еще следы укрепления. От устья Кубани по Черному морю шла стрелка, огибавшая залив, а от нее к югу по черноморскому берегу находилась главная и важная турецкая пристань Суджук-кале, т.е. нынешний Новороссийск. Русло Кубани шло через лиманы речными протоками мимо некрасовских селений. Кроме двух удобных пристаней – Таманской и у старого укрепления между Темрюком и Таманью – Суворов считал многие места морского берега удобными для приставания мелких судов.

Существующие русские укрепления Суворов «нашел не бесполезными». Чтобы они имели большее значение, по мнению Суворова, необходимо были возвести новые укрепления с правой стороны Кубани от переправы к Копылу. Абазинцы и черкесы, говорит Суворов, исполнены непрестанной склонностью к грабегам и воровствам, но, при несомненной личной храбрости, не отличаются стойкостью, как это показал капитан Зыков, отбивший 31 ноября с слабо укрепленного редута одной пушкой значительное полчище горцев. Такие укрепления и на указанных местах будут поэтому иметь значение. Но еще лучше было устроить «хороший шанец» по ту сторону Кубани, связавши таковой с постами правобережной стороны. Такое расположенное «на собственном грунте» черкесов укрепление сдерживало бы их порывы к набегам. «Некрасовский пост, прозванный Екатериненской крепостью», содержался исправно и служил бы, по мнению Суворова, «дальным упором Суджуку».

«Наблюдавшееся здесь похвальное нераздробление войск, – говорит Суворов, – имело некоторые невыгоды». Разъезды сильно утомляли людей и истощали лошадей. В этих видах Суворов проектировал ряд дополнительных укреплений по Кубани с таким расчетом, чтобы отдельные части войск находились в наблюдательном положении по местам, а для лучшего наблюдения за неприятелем Суворов решил выжечь все плавни и камыши, по которым прятались и пробирались черкесские шайки, и расположить посты между более крупными укреплениями на переездах, чтобы большой нужды в разъездах не было.

Татары, или ногайцы, по характеристике Суворова, отличались «всегдашним непостоянством, коих нравы сходны с башкирскими, легкомысленны, лакомы, лживы, не верны и пьяны». Их близкое соседство с беспокойными абазинцами и черкесами требует наложения «какой-либо военной узды». Особенно неуживчивы черкесы. Они неоднократно пробовали делать нападения на пикеты, но большей частью безуспешно. А когда проезжал линию Суворов, они стреляли в него и его спутников из ружей на расстоянии восьмидесяти сажен, но стрелки они худые, о чем Суворов судил по стрельбе их с сошек.

Наконец, Суворов при объезде позиций имел случай встречаться с некрасовцами и говорить с ними через реку Кубань. По рассказам некрасовцев, они лишены жилищ и бродят бесприютно в горах. Всего населения у них около трех тысяч душ обоего пола и от шести до восьми сот строевых. Суворову они выражали готовность жить спокойно и желание возвратиться на русскую сторону.

Таковы результаты десятидневного осмотра Суворовым местности и позиций русских войск в нижней части р. Кубани. С свойственной этому полководцу быстротой и сообразительностью, Суворов создал очень простой и практический план, вытекавший из развития принятой уже системы. Оставивши базисом для армии Копыл, лежавший у деления Кубани на два рукава – азовский и черноморский, Суворов наметил главные укрепления и второстепенные посты так, чтобы русские войска по возможности задерживали прорывы горских шаек в степную полосу Прикубанья, не ослабляя людей и лошадей частыми и усиленными разъездами.

Но Суворов не мог сразу же приступить к сооружению укреплений. В январе стояли еще холода, и Кубань покрывалась настолько толстым льдом, что черкесы свободно переправлялись на другой берег и отходили от него версты на две вглубь степей. С наступлением теплой погоды, как только начнет таять земля, Суворов рассчитывал немедленно приступить к сооружению укреплений.

Пока же он представил графу Румянцеву второй план укреплений вверх по Кубани – против шапсугов, натухайцев, бжедухов, против рр. Лабы, Урупа и далее вплоть до Моздокской линии. Это могло бы разъединить черкесов и татар, поставивши русских в господствующее положение. Для осуществления своего плана Суворов считал необходимым снабжение укреплений несколькими дюжинами пушек, которые он просил отпустить из Азова, и один пехотный полк с тремя егерскими ротами.

Вместе с этим соображениями Суворов доставил Румянцеву новые сведения о закубанских горах. По показаниям ушедших из черкесского плена, силы горцев составляют около двадцати тысяч, из которых вооружено ружьями, саблями и луками – не более 15 000. Пороху и свинцу у черкесов мало. За горсть пороху дают овцу, а свинец так высоко ценится, что за пять пуль отдают хорошую бурку. Русских черкесы боятся, татар считают плохими единоверцами и единомышленниками. Пищи и кормов у них обилие. Ближайшими к Таманскому полуострову племенами управляют три султана, из которых Батыр-Гирей султан считался самым сильным, влиятельным и храбрым.

Всех вообще черкесских орд восемь: 1) Абаза, 2) Черкес, 3) Тукай, 5) Кабарда, 5) Базадук, 6) Шапсуг, 7) Темиргой и 8) Угай. Из них самая большая Абазинская. Кабарда и Угай, хотя и находятся в сношении с другими ордами, но живут смирно. В горах проходы тесные и леса большие, а по склонам гор, где живут черкесы, дороги ровные и реки «не топкия, поелику в них обитает камень».

Таким образом, и в данном случае Суворов уловил общие и наиболее существенные черты горских племен, и проектированный план Кубанской кордонной линии был принят и осуществлен в силу необходимости.

Осуществление суворовского плана пришлось не по сердцу горцам. Как только началось возведение укреплений, черкесы стали усиленно нападать на пикеты и тревожить русские войска. Хотя эти набеги всегда почти оканчивались отражением или даже поражением черкесов, но это не останавливало их намерений. Такова была стычка горцев с отрядом подполковника Фока, как сообщил об этом Суворов Румянцеву рапортом от 27 февраля. Одна партия горцев разбита была драгунами и казаками, а другая, попавшая в лесу на засаду русской пехоты, сильно пострадала от пехоты и спешившихся драгун.

В мае черкесы напали на крепость Троицкую и на Славянский фельдшанец, но в обоих случаях они были отражены русскими войсками. Заметивши, что горцы снова начали собираться, русские сделали засаду и разбили наголову партию их около ста человек, причем горцы

оставили в руках русских 19 человек убитыми и трех раненых. В июне замечено было значительное скопище черкес в пяти верстах по Кубани против левого фельдшанца. Посланный туда со ста казаками и драгунами прапорщик Татаров скрылся в кустарнике и, давши переправиться в течение ночи до пятисот горцев, напал на них на другой день, подкрепленный ротой пехоты. Горцы не устояли и бросились вплавь в Кубань, понесши поражение и оставивши в руках русских пять человек, изрубленных гусарами, и убитых лошадей, 45 живых и несколько ружей и луков со стрелами.

Особенно жестокая расправа с горцами была произведена отрядом полковника графа Соллогуба. Составленный из трех рот гренадерского полка и одной мушкатерского, двух эскадронов гусар Славянского полка и 550 донских казаков, при трех пушках, отряд этот переправился на лодках при Благовещенской крепости и, сопровождаемый опытными проводниками – двумя братьями мурзами Джан Мамбетом и Килимбетом и кузнецом Белозерского пехотного полка Покотиловым, бежавшим из плена от черкесов, ночью 19 июля внезапно обложил натахайский аул Хапай. Атакованный с четырех сторон и подожженный Хапай весь выгорел вместе с населением. Бывшие вблизи аула на сенокосах черкесы убиты и изрублены, по приблизительному расчету, в количестве до 400 человек.

Между горцами поднялась тревога. Абазинцы и черкесы, скопившиеся до 5000 человек, пытались при возвращении отряда отнять пленных, взятых в Хапае в числе сорока душ обоого пола. Произошло жаркое сражение. Пленники были перебиты солдатами и казаками, а горцы с большим уроном отражены. По предположениям русских, в этом сражении погибло до трехсот черкесов. Русский же отряд во все время действий потерял 13 убитыми и 38 ранеными.

В сентябре того же года была оказана помощь Гаджи-Гирей Султану в его борьбе с Дулак-Султаном. Отряд под начальством полковника Гинцеля двинулся, согласно указаниям Гаджи-Гирея, к Лаббе, 17 сентября перешел через Кубань вброд выше Павловской крепости и скрывался в течение ночи и следующего дня. В следующую ночь отряд двинулся к р. Лаббе с таким расчетом, чтобы прибыть на рассвете к аулам, где жил противник Гаджи-Гирея Дулак-Султан; в действительности же войска подошли в 10 часов дня. Черкесы заметили русских и приготовились дать отпор. Такой исход дела заставил полковника Гинцеля обратиться за разъяснениями к Гаджи-Гирею. Последний сознался, что он ночью послал своих людей, чтобы они предупредили население о готовящейся опасности, не желая подвергать свои аулы разгрому.

Между тем количество черкесов росло. Сражение становилось неизбежным, но когда полковник Гинцель обратился к Гаджи-Гирею с просьбой, чтобы он принял со своими людьми в нем участие, Гаджи-Гирей решительно заявил, что он не может драться с братьями, и сам уехал от отряда и стал в пяти верстах от него на высоком кургане для наблюдения за предстоявшим сражением. Тогда русские, не желая дальнейшего усиления противников вновь прибывавшими всадниками, стремительно атаковали черкесов. Последние были опрокинуты и обратились в бегство через реку Лаббу. Черкесы понесли при этом большой урон. Многие из них были убиты пушечными и ружейными выстрелами, а другие вместе с лошадьми потонули в Лаббе. В этот момент Султан Гаджи-Гирей просил более не преследовать бегущих, надеясь, что после такого урока аулы снова подчинятся ему, а сам решил вступить в переговоры с аулами.

Но в то время показались новые толпы черкесов. Явилась конница от ногайских и темиргоевских орд и сам Дулак-Султан с двумя тысячами войска. Толпы противников приблизились к русскому отряду на орудийный выстрел, а часть их начала обходить отряд, чтобы отнять взятый скот. Полковник Гинцель попросил Гаджи-Гирея оставить переговоры с аулами, и, отделивши часть отряда с двумя пушками, направил его на встречу черкесов с поручением не стрелять, пока неприятель не подойдет на ружейный выстрел. Встреченные ружейными и картечными выстрелами, черкесы пришли в замешательство. В ту же пору бросились на неприятеля казаки и конница. Неприятель побежал вверх по Лаббе. Разразившаяся буря с сильным дождем и градом не позволила закончить сражение, но черкесы не пытались уже нападать на

русский отряд, начавший обратный путь. По некоторым предположениям, черкесы потеряли в одном только первом сражении около 300 убитыми. Взято было в плен несколько мурз, отбиты некоторые русские пленники и захвачена масса ружей, сабель, луков, колчанов со стрелами, бубнов и пр., а также около 500 голов рогатого скота и до 80 лошадей. Отряд при этом потерял только двух убитыми и трех тяжело ранеными. Столь малый урон объяснялся, надо полагать, тем, что пушечные выстрелы не позволяли черкесам подступать близко к русскому отряду. После Гаджи-Гирей сообщил полковнику Гинцелю, что Дулак-Султан изъявил готовность подчиниться Гаджи-Гирею.

Поражения не останавливали черкесов в их намерениях. В свою очередь и черкесы делали нападения на русских, и одно из таких нападений окончилось полным поражением русских. 23 сентября ночью значительная партия черкесов переправилась удачно незамеченной через Кубань возле Архангельского фельдшанца. Лесистая местность и густой туман благоприятствовали этому набегу. Когда туман начал рассеиваться, то находившийся в фельдшанце капитан Миокович распорядился, чтобы в поле для пастбы были выгнаны часть лошадей и волов. Лишь только скот отошел несколько от фельдшанца, как скрывавшиеся в ближайшем лесу черкесы бросились на скот и на фельдшанец. Навстречу им вышли за ворота фельдшанца, или, как сказано в документах, «перед паланку», гусары и пехота. Началась перестрелка. Так как черкесы стали угонять лошадей и волов, то капитан Миокович, оставивши несколько человек для защиты «паланки», сам с одной частью гусар и пехоты решил отбить скот, а другую часть с поручиком Сабовым отправил к броду, чтобы отрезать путь к отступлению неприятеля. Имея численное превосходство, черкесы убили капитана и перебили солдат, а на поручика Сабова у брода бросилась в то же время еще большая толпа, и его с солдатами постигла участь капитана. Перебивши и переранивши часть солдат, защищавших фельдшанец, черкесы свободно переправились потом через Кубань, угнавши скот и лошадей. Черкесы, конечно, торжествовали свою победу, и в истории прибавился факт, осложнивший дальнейшие отношения между горцами и русскими.

Второй успех черкесов состоял в нападении на Всесвятский фельдшанец. Дело происходило таким образом. 24 октября в 9-м часу утра к Всесвятскому фельдшанцу подкралась, под прикрытием тумана, двухтысячная толпа татар. Нападающие разбились на две части, из которых одна часть окружила шанец, пытаясь взять его, причем тяжело ранен был стрелой казак, а другая часть бросилась к колодцам, куда в то время было послано 24 человека вооруженных солдат с ефрейтором, для охраны поившихся лошадей и взятия воды. Татары убили одного из солдат, а остальных 24 человека взяли в плен; захвачено также было 20 лошадей и 30 штук рогатого скота. Заметивши неудачу нападавших на фельдшанец, которым причинен был значительный урон пушечными и ружейными выстрелами, из фельдшанца татары направились с Ильинскими и отбитым скотом к Кубани для обратной переправы на ту сторону ее. Подполковник Шеин, узнавший о нападении татар на Всесвятский фельдшанец, бросился в погоню за татарами, но прежде чем он успел подойти к Кубани, татары ушли. В нападающих солдаты и казаки узнали знакомых татар, из которых многие кочевали возле фельдшанца, как подвластные России.

27 ноября полковник Штерич узнал, что черкесы готовятся перейти Кубань и напасть на русские укрепления. Взявши в свое личное командование часть пехоты, конницы и одну пушку, Штерич отправился вверх берегом по Кубани между Марьинской крепостью и Архангельским фельдшанцем. В одном из закрытых лесных мест он наткнулся на значительную толпу начавших уже переправляться чрез Кубань черкесов. Русские немедленно открыли пальбу из пушки и ружей. Часть черкесов была перебита и потоплена, остальные отступили от Кубани и скрылись на том берегу ее. В русском отряде были ранены две лошади и сам командир отряда полковник Штерич в шею.

3 декабря генерал-майор фон Райзер сообщил Суворову, что к бригадиру Макарову обратился таманский каймакан с просьбой пропустить в Тамань для переговоров посланное от Батыр-Гирея лицо. Батыр-Гирей обращался к брату своему крымскому хану Шагин-Гирею с предложением подчиниться его власти, но не получил от него ответа. Вследствие этого Батыр-Гирей решил послать кого-либо к таманскому каймакану для переговоров по этому вопросу. Генерал Райзер дал это разрешение и приказал бригадиру Макарову всячески способствовать этим переговорам.

Того же 3 декабря генерал Райзер донес Суворову, что Гаджи-Гирей султан прислал ему два письма. В первом из них он выражает приверженность свою к ставленнику России крымскому хану Шагин-Гирею и в доказательство препроводил генералу беглого русского солдата и захваченную у русских лошадь. Вторым письмом он просил генерала отпустить Ильмурзу, захваченного в плен при сражении с Дулак-Султаном, и возвратить захваченный при этом рогатый скот. Сообщая о происках горцев против Шагин-Гирея и об уходе в горы с неприязненными целями Дулак-Султана, Шагин-Гирей просил прислать ему для защиты русские войска – две тысячи конницы и десять тысяч пехоты с пятнадцатью пушками, поручивши ему и командование. Для привлечения же противников на свою сторону Шагин-Гирей просил снабдить его также и деньгами. Иначе он окажется в невозможном положении. Гаджи-Гирей выразил желание поехать с этой целью или к крымскому хану, или к генералу Райзеру.

Узнавши об этом, Суворов приказал генералу Райзеру отправить дружественные письма султанам Гаджи-Гирею, Казы и Арслан-Гирею, с подарками первому 500 р., а двум последним по 300 р. и разными вещами, обнадеживши, что и впредь они не останутся без вознаграждения от русского правительства за их приверженность.

Все это время турки не переставали волновать черкесов и в начале 1778 года отправили демонстративно многочисленный флот к берегам Крыма, как бы желая тем показать татарам и горцам свою готовность к войне с Россией. Суворов, однако, не допустил даже набрать пресной воды на полуострове. Поэтому Порта, не признавшая татарским ханом ставленника России Шагин-Гирея, июньским трактатом 1779 года вынуждена была сделать и эту уступку.

И, несмотря на это, черкесы, подстрекаемые агентами Турции, продолжали тревожить ногайские орды и русские войска на Кубани. Особенно враждебно отнеслись они к построенным, по распоряжению Суворова, крепостям, редутам и укреплениям по правому берегу Кубани. Так как и после заключения последнего договора с Турцией большая часть Кубанского корпуса была передвинута внутрь России – в Донскую область и Бахмутскую провинцию, а сторожить Кубанскую линию и границы земли войска Донского по Кагальнику остались одни казаки, и притом в уменьшенном количестве – три полка по Кубани и два по Манычу и Кагальнику, то еще 30 мая 1779 года ногайский пристав подполковник Лешкевич доносил Донскому атаману, что черкесы намереваются произвести нападение на русские войска и ногайские аулы. На следующий день 31 мая он сообщил, что черкесы перешли Кубань и остановились лагерем в верховьях р. Керпилеи и что Ейское укрепление, где он пребывал, находится в опасном положении, так как лишено защиты.

Черкесы составили план двойного нападения на русские владения. Кабардинцы должны были тревожить моздокский корпус русских войск, отвлекая военные силы в пределах нынешней Терской области, а закубанские черкесы произвести нападение на ногайские орды. Предводитель черкесов Дулак-Султан в конце мая перешел Кубань, взял в плен татарскую заставу и послал сераскиру Касаевской орды Аслям-Гирею приглашение о совместном действии против русских. Хотя касаевские татары и отвергли это предложение под предлогом мести со стороны русских, но сам Аслям-Гирей обещался соединиться с черкесами в случае успеха у черкесов. 30 мая черкесы угнали табун казачьих лошадей, пасшихся близ Алексеевского фельдшанца, разбили казаков под командой есаула Михеева, убивши 18 казаков, и ворвались в самое укрепление, изрубивши двух казаков и несколько жителей. Одновременное нападение черкесов под

предводительством Дулак-Султана на Ставрополь было отражено с большим уроном у черкесов 180 казаками Донского Кутейникова полка.

Отсюда Дулак-Султан направился на касавские аулы в вершину р. Егорлыка, умертвил трех мурз, захватил много татар в плен и двинулся вверх по Ее на ногайские аулы Джамбулукской орды. Джамбулукские ногаи успели, однако, собрать до 2000 войска и нанесли столь сильное поражение черкесам при р. Ее, что Дулак-Султан принужден был бежать за Кубань. В то же время касавские татары, прогнавши своего сераскира Аслям-Гирея, соединились с татарами Наврузовской орды и загородили дорогу на Кубань бежавшим черкесам с Дулак-Султаном. Здесь они напали на черкесов с двух сторон, разбили их наголову и отняли все награбленное ими имущество. Сам Дулак-Султан едва избежал плена и спасся бегством в горы.

Кабардинцы также были разбиты в трех кровопролитных сражениях при рр. Малке и Подкумке и за Малкой русскими войсками под командой генерала Фабрициана. «Одних горских князей, – говорится в донесении о последней битве 29 сентября за Малкой, – побито здесь до 50, а черни до нескольких сотен. Но русские не ограничились этим, а двинулись в Кабарду. Тогда кабардинцы стали просить пощады, присягнули России и дали знатных аманатов в обеспечение мира».

Прошло два месяца, и черкесы снова напали на ногайские аулы, кочевавшие по рекам Бейсугу, Ясени и Ее, захватили купеческие татарские фуры с товаром и забрали в плен много людей и скота. Черкесами снова предводительствовал Дулак-Султан; с ним был и изгнанный татарами Аслям-Гирей, прекрасно знавший беззащитные места и слабые пункты у татар. Тогда вооружились поголовно все татары и под начальством мурзы Мамбета Мурзабского встретились с черкесскими полчищами близ Ейского укрепления. Произошло упорное и кровопролитное сражение. Черкесы были разбиты ногайцами и прогнаны за Кубань. С обеих сторон пало много людей.

Но черкесы не успокоились. Как только настала весна следующего года, они собрались в значительном количестве, под предводительством Дулак-Султана, Аслям-Гирея, Кизиль-бека и Дугузее, и двинулись против ногайцев. На этот раз черкесы разбились на отдельные отряды. Передовой отряд под начальством Дугузея напал на аулы Джамбулукской орды, разгромил татар, овладел большим транспортом с воинскими принадлежностями, принадлежавшими подрядчику донскому есаулу Шапошникову, и проник до самого Ейского укрепления. Однако здесь 28 марта напали на черкес, в свою очередь, татары и поразили их настолько решительно, что немногие успели спастись бегством за Кубань, а сам Дугузее был убит на месте битвы. Все, что было в руках черкесов, захватили татары и разделили между собой. Удачнее действовали Дулак-Султан и Кизиль-бек, ограбившие несколько аулов Капшатской орды и угнавшие до полутора тысяч татарских лошадей. Отряд Аслям-Гирея, двинувшийся к Ставрополю, был разбит донскими казаками, а сам Аслям-Гирей был взят в плен.

В январе 1779 года татары Касавской орды обратились с просьбой к Крымскому хану Шагин-Гирею о принятии их под свое покровительство и защиту от черкесов и русских. Согласно предварительному разрешению хана, они просили назначить им сераскиром брата хана Арслан-Гирея. Вместе с писаным прошением по этому поводу касавцы послали особого уполномоченного Али Мурзу, которому поручено было на словах дополнить просьбу в случае какого-либо недоразумения. Касавцы кочевали по р. Ташле Ярлыком от 21 февраля 1779 года. Крымский хан выразил свое согласие на принятие касавцев под свое покровительство и назначение им сераскиром Арслан-Гирея. Таким образом, касавские татары, подчинившись Крымскому хану, тем самым поступили в ряды народностей, подвластных России.

В начале 1779 года на Кубани было спокойно. Генерал Райзер доносил графу Румянцеву от 16 февраля, что союзные татары «обитали в тишине», и даже «закубанские черкесы стали несколько спокойнее», страшась русского оружия. Еще в декабре месяце прошлого года полковник Штерич прислал Райзеру армянина Семена Аврамова, которому Султан Шагин-Гирей

и мурзы Бей хазы, Шеретлук и Девлет, принадлежавшие к Атукайскому поколению, поручили заявить их желание жить в мире с русскими и повиноваться Крымскому хану, обещая подтвердить это присягой. Русские власти всячески старались содействовать черкесам в этом отношении.

В том же рапорте генерал Райзер сообщил графу Румянцеву, что сераскир Арслан-Гирей возвратился из Крыма, проехал под именем находившегося при нем Аги через Благовещенскую крепость, не давши о себе никакого известия, и стал в не указанном ему ханом месте на Кара Кубани вблизи русского поста. Отсюда Арслан-Гирей послал Крымскому хану ряд доносов на доброжелательных России татар, и в том числе на Джан-Мамбета мурзу. Последний сообщил Райзеру, что Арслан-Гирей послал двух человек – одного к Батыр-Гирею, а другого в Темиргой с предложением соединиться для совместных действий против России. Генерал Райзер считал необходимым удалить Арслан-Гирея к Азову в случае, если подтвердятся указания Джан-Мамбета мурзы. Пока Арслан-Гирей находился в Крыму, здешние народы, говорит Райзер, «в преизобильном удовольствии и тишине находились». С появлением же сераскира начались волнения, и сам он привез с собой Агу из персиян, человека очень сомнительного и уличенного уже раз в намерении организовать вооруженное нападение на русских, за что сам Крымский хан Шагин-Гирей приказал посадить его, Агу, в крепкую тюрьму.

В заключение генерал Райзер донес о проделках Батыр-Гирея, жившего между абазинцами. Прежде выраженное желание Батыр-Гирея находиться в подчинении Крымского хана и в мире с русскими оказалось обманом. Как только «покрылась льдом» Кубань, черкесы начали производить мелкими шайками набеги. Напрасно полковник Гамбом просил Батыр-Гирея унять черкесов. Султан не принимал никаких мер. Мало того. Через бежавших из черкесского плена русского солдата и грузина обнаружено было, что Батыр-Гирей собирал черкесов, чтобы напасть на Новотроицкую крепость. Генерал Райзер принял с своей стороны предупредительные меры. 11 февраля, по сообщению полковника Штерича, в пределах Архангельского фельдшанца черкесы пробовали переходить Кубань, но не имели удачи, так как были своевременно отражены русскими войсками с значительным уроном.

С своей стороны Суворов нашел необходимым разослать закубанским народам письма с приглашением жить в миролюбии, о чем он донес графу Румянцеву 17 марта. «Всех закубанских племен черкесским и грузинским беям, – писал Суворов, – узденям и всем вообще надежным приятелям моим через сие объявляю: получаю я известие, что из ваших народов многие хищники, скопляясь большими шайками, переправляются воровством через Кубань и как неприятелей наших ногайских скот, имение и людей, так и российских лошадей воруют, и нападая на наши караулы, оказывают часто злодейство». Это побудило его, Суворова, обратиться с увещательными письмами. Необходимо подчиниться Крымскому хану и жить с ногайцами и русскими в дружбе. Если же черкесы не прекратят своих набегов, то Суворов грозил «переправить через реку Кубань войска и наказать огнем и мечем». Тогда, заключает свое письмо Суворов, «вы сами на себя пенять должны будете». Разумеется, на черкесов мало подействовали эти увещательные письма. Но замечательно, что величайший у русских и вообще во всем мире полководец меньше всего желал прибегнуть к оружию и проливать кровь. Во всей деятельности А. Суворова на Кубани ярко проглядывает эта симпатичная черта.

1779 год прошел, однако, без особых столкновений между русскими и черкесами. Этому способствовало, впрочем, спокойное состояние дел в международной политике. Носились слухи, что между русскими и турками не предполагалось войны. Французский посол в Константинополе советовал туркам поддерживать мир. То же говорили цезарцы и пруссаки. Турецкий султан явно ухаживал за русским посланником и посылал ему кушанья, что считалось у турок особым знаком внимания. Одновременно посылались из Турции и на Кавказ приказания жить в мире с русскими. Тем не менее это мирное течение жизни на Кубани не обошлось без маленьких шероховатостей. Рапортом от 2 апреля 1779 года полковник Штерич донес генералу

Рейзеру, что черкесы взяли в плен возле укрепления Архангельского четырех гусар, которые поехали за дровами не в указанное место, где находилась охрана, а в лес, наполненный засеваемыми черкесами. При тогдашнем состоянии края русских войск все-таки было мало, чтобы можно было избежать подобных случаев. В самом деле, по расписанию на май 1779 года все войска были расположены по отдельным районам и укреплениям следующим образом:

1. Курский пехотный полк находился на Таманском полуострове. Хотя на этом полуострове и было два очень важных укрепления – Тамань и Темрюк, но в них, благодаря отдаленности и изолированности от черкесских границ, можно было ограничиться содержанием одних караулов. Большее значение имел Солнечный фельдшанец в устье Кубани, как место «перелазов», почему сюда требовалось и большее количество войска для ограждения границы от черкесов. На Таманский пост назначено было три пушки артиллерии и пятьдесят казаков Кубанского казачьего полка для содержания почт и нужнейших пикетов. Командующим здесь был бригадир Макаров.

2. Тамбовский пехотный полк был расположен между Духовым и Сарским фельдшанцами, обслуживая находившиеся между ними Екатерининскую крепость, Спасский фельдшанец, Новотроицкую крепость и Славянский фельдшанец. Гренадерские роты этого полка и батальон Астраханского драгунского полка предназначались для разъездов на случай усиления действующих частей. Для почтовых нужд и пикетов находился здесь Донской казачий Кульбакова полк; к артиллерии Тамбовского полка и Астраханского драгунского батальона добавлены были две пушки, а общее начальствование над двумя полками и батальоном с артиллерией поручено было полковнику Гамбому. Во второй район входили, следовательно, места по линии от Темрюка к Копылу.

3. Благовещенская (при Копыле) крепость служила центром следующего, третьего района охраны. Сюда входили Правый и Левый фельдшанцы, Каракубанский, Керпильский и Бейсугский редуты, Римский и Ангелинский фельдшанцы, т.е. главным образом укрепления внутреннего. Здесь расположены были Низовский пехотный полк, Донской казачий Денисова полк, батальон Астраханского драгунского полка и батальон Белозерского мушкатерского полка, с двумя добавочными к имевшимся по частям пушками. Охрана Каракубанского, Керпильского и Бейсугского редутов, как внутренних укреплений, ограничивалась содержанием караулов; Римский и Ангелинский фельдшанцы охранялись гарнизонами батальона Белозерского полка, который назначался вместе с тем для прикрытия артиллерийского парка; центр же тяжести составляли Благовещенская крепость, Правый и Новый фельдшанцы. Главным начальником был полковник фон Галь.

4. Особенно усиленно охранялась Марьинская крепость, лежавшая выше по Кубани. Здесь под командой полковника Юзбаши находились гренадерские роты Белозерского и Нижегородского полков, составлявшие главный резерв, затем гусарский Волынский полк, Донской казачий Грекова полк, и на усиление обозной при частях артиллерий назначено было шесть орудий главной полевой артиллерии.

5. Еще выше по Кубани, для охраны границы в пределах Архангельского, Нового и Гавриловского фельдшанцев, расположены были один батальон Белозерского мушкатерского полка, Иллирийский гусарский полк, две гренадерские роты Алексеевского полка и Донской казачий Яновского полк. Кроме обычного состава артиллерии, два орудия назначены были для защиты главного пикета, находившегося при броде через Кубань между Архангельским и Гавриловским фельдшанцами, и два орудия для резервов. Резервные роты с этими добавочными орудиями предназначались для «беспрестанного движения» между Александровской и Мариинской крепостями.

6. Алексеевский пехотный полк занимал Александровскую крепость, Михайловский и Западный фельдшанцы и предназначался для движений между Александровской и Павловской крепостями под командой полковника фон Ейгеля.

7. «Нижегородского пехотного полка батальон мушкатеров занимает Павловскую крепость и восточный фельдшанец, сюда же отнесены «три эскадрона гусарского Украинского полка с двумя полковыми единорогами и двумя орудиями главной полевой артиллерии». Затем батальон Нижегородского полка с двумя единорогами, двумя орудиями и с тремя эскадронами Украинского гусарского полка предназначены были для закрытия Царицынской крепости, Всесвятского и Державного фельд-шанцев. Наконец, для содержания почт и пикетов как по Азовской дороге, так и через Павловскую крепость до Ставрополя назначен Донской казачий Барабанщикова полк.

Располагая таким образом войска, Суворов не назначил определенных пунктов для корпусной и полковых квартир. «Полковые квартиры», по распоряжению Суворова, должны быть в лагерях, а корпусная квартира там, где будет находиться Суворов по требованию обстоятельств. Все же начальники, особенно казаки, должны находиться «в нужнейших местах» и зорко следить как за неприятелем, так и за сторожевыми частями русских войск. В этом заключалась гарантия «от воровских шаек закубанских разбойников».

Таким образом, при Суворове русские укрепления на Кубани представляли довольно разбросанную, но тесно связанную сеть пунктов, устроенных главным образом на местах, наиболее удобных для переправ черкес через Кубань. Главное внимание было обращено на Таманский полуостров, защита средней и верхней частей Кубани была более слаба, и система укреплений здесь должна была развиваться еще впоследствии. Вообще же назначение русских войск сводилось исключительно к пограничной службе. Суворов, как лучший авторитет и специалист в военном деле, заботился главным образом о том, чтобы путем правильно организованной пограничной службы предотвратить по возможности кровопролитные столкновения русских с черкесами. К черкесам этот знаменитый полководец относился предупредительно и дружелюбно, русские войска щадили, и все его распоряжения сводились к обеспечению мира между различными народностями, а не вражды и соединенных с ней военных действий. Не войну, а мирное течение жизни ставил на первый план этот замечательный человек.

В 1781 году началось движение в среде татар. Татары были недовольны ставленниками хана и жаловались на непосильное обложение налогами. Так как, с одной стороны, татары не оставляли при этом своего намерения завладеть Манычской степью, а с другой, волнения татар сопровождались сборищами и передвижениями массами, то русское правительство приняло предупредительные меры, показывавшие готовность войск к борьбе. Сам крымский хан Шагин-Гирей просил о примерном наказании его подданных. В сущности же за этими кажущимися возмущениями ногайцев крылись справедливые требования. Налоги были велики, правители бесцеремонно обирали массу, а стеснения экономического характера и близкое соседство горцев, не перестававших враждебно относиться к некоторым ногайским ордам, естественно толкали их к переходу на Манычские степи – подальше от черкес и в более благоприятные пастбищные условия.

Когда сами мятежные татары передали предводительство Джауму-Аджи, одному из влиятельнейших мурз, лишивши этой власти руководившего их действиями мурзу Амурат-Султана, то, естественно, возгорелась вражда между этими двумя соперниками. Амурат-Султан открыто грозил убить Джаума-Аджи. Оба имели своих сторонников. Джаум-Аджи, желая передвинуть татар ближе к Кубани, велел перекочевать им с р. Бейсуга на р. Керпили. Здесь он собрал совет и предложил на его разрешение вопрос о том, остаться ли татарам на месте и грудью отстаивать свой независимость от русских войск и хана, Шагин-Гирея, или же перейти Кубань и предаться черкесам. Такая постановка вопроса заставила часть татар уйти в другие места и под прикрытие русских войск. Когда затем Джаум-Аджи распорядился, чтобы оставшиеся с ним татары двинулись к вершине р. Керпили, в урочище Качалтас, отстоявшее всего в 20 верстах от Кубани, – татары разбились на две части, из которых одна не захотела исполнить это распоряжение. Произошла резня. Не подчинившиеся распоряжению Джаума-Аджи

татары направились в прежнюю сторону к устьям р. Керпили; здесь они соединились с раньше ушедшими татарами и решили соединенными силами напасть на своих противников, занявших урочище Качалтас. 20 августа произошло новое сражение между противниками, не приведшее, однако, к какому-либо определенному решению или соглашению. Джаум-Аджи, потерявший в этом сражении старшего сына, оставивши на Керпилях заготовленный хлеб и сено, перешел с единомышленниками на левую сторону Кубани.

Чтобы прекратить распри между татарами и воспрепятствовать части их переходу к черкесам, по распоряжению князя Потемкина была произведена военная демонстрация: одна часть русских войск под начальством генерал-майора Пиля двинулась от Азова, перешла р. Ею и направилась к р. Керпили, а другая под командой генерал-майора Фабрициана вышла из Ставрополя навстречу. Так как войскам не приказано было пускать в ход оружие, то встревоженные татары скоро успокоились. Джаум-Аджи снова собрал совет за Кубанью. Поддерживая свое прежнее предложение, он советовал принять пока выжидательное положение. Часть татар настаивала на слиянии с горцами; елишкульский мурза Муса предложил двинуться к Суджук-кале, сесть здесь на турецкие суда и переехать на прежнее жилище в Бессарабию. В половине октября 1781 года, после одного из сражений татар с сторонниками России Безагою, Шура-мурзой и Топай-агою, около 10 000 семейств Еинсанской орды и половина орды Буджакской привели в исполнение план Мусы, отправились в Суджук-кале, откуда и перевезены были турками в Бессарабию. Остальные татары по-прежнему остались на левой стороне Кубани в устьях Лабы.

Около этого времени переменял политику и крымский хан Шагин-Гирей. Он устранил от власти каймакана Османа-Агу, чего, собственно, и добивались татары, назначил на это место Али-Агу, человека более добросовестного и доброжелательного, и простил всех бунтовавших против него татар. Татары на время успокоились, хотя в ту же пору постигла их новая беда – эпидемия среди людей, дороговизна хлеба и недостаток кормов для скота. Часть населения вымерла, масса скота пала.

В таких исключительных условиях часть татар снова пыталась пробраться на Манычскую степь. Тав-Султан с девяти тысячным аулом просил позволения перейти на Маныч, под предлогом отделения от мятежников. В действительности же татар гнала сюда необычайно суровая зима, отсутствие кормов и гибель скота. Атаман Донского войска Иловайский всячески противился переходу татар на Манычские степи, в которых нуждались и казаки, терпевшие также от суровой зимы и недостатка кормов; но вынужден был разрешить татарам кочевать по речкам Кагальник и Егорлык, не приближаясь ближе 20 верст к р. Манычу. Когда же 12 джамбулукских татар напали на казака и изранили его, то Султан Шагин-Гирей в угоду донцам приказал согнать бедствовавших татар с Манычской степи. Но ногойцы не слушались ни атамана, ни хана, да и не могли слушаться, так как гибли от стужи и голода. Посланным против них казакам они говорили: «Вы видите, что мы сами по нынешней зиме пропадаем, да и скот наш гибнет... Что хотите, делайте с нами, хоть режьте нас, только не дайте нашему скоту понапрасну гибнуть от бескормицы».

В 1782 году возмущения татар против хана Шагин-Гирея приняли крутой оборот. Против него восстали родные его братья – Батыр-Гирей, назначенный ханом в сераскири кубанских орд, и Арслан-Гирей. Сторонник братьев, также родственник хана и приближенное к нему лицо, Мехмет-Гирей, напал на ханский дворец, из которого Шагин-Гирей успел бежать в Керчь, и завладел ханской столицей – Бахчисараем. Ханский престол занял Батыр-Гирей, назначивший брата своего Арслан-Гирея сераскиром. Потемкин поручил Суворову усмирить татар и возратить престол русскому ставленнику – Шагин-Гирею. Суворов быстрыми движениями заставил татар покориться Шагин-Гирею, а его братьев и Мехмет-Гирея захватил в плен. Хан простил братьев, а Мехмет-Гирея приказал побить на площади камнями.

В 1783 году, – после того как бывшие за Кубанью татары со своими жожаками, едисанскими мурзами Джаум-Аджи, Катарсой и Арсланом, и едишкульским мурзой Мусою-Таламбетовым направились в количестве 4000 семейств в Сухум-Кале и отсюда переправились на турецких судах в Бессарабию, – Потемкин убедил Шагин-Гирся отказаться от престола в пользу России. Приведение в подданство татар России поручено было Суворову. Первым распоряжением этого замечательного человека было приказание атаману Донского войска Иловайскому, все время упорно стремившемуся громить татар и побуждавшему к тому же и казаков, остановить поголовное ополчение казаков, собранное против татар. «Покорение ногайцев, – писал Суворов Иловайскому, – может быть, обойдется без всякого кровопролития». Собравши свои войска около Ейского укрепления, Суворов пригласил сюда же татарских мурз, обласкал их, называя «старинными приятелями», угостил сытным обедом и водкой; солдатам он также приказал обходиться с ногайцами возможно деликатнее и радушнее. Татары выказывали явное расположение к русским. В то же время, в видах предосторожности, Суворов распорядился занять отдельными частями своего корпуса важнейшие татарские пункты, особенно города Копыл и Курки. 28 июня, в день восшествия Екатерины II на престол, Суворов собрал татар для присяги русской царице, обставивши особой торжественностью этот акт. Суворов задал по этому случаю пир татарам на славу. На ровном месте татары были размещены небольшими группами и рассажены по старшинству, как это велось по их обычаям. Сто зарезанных быков, 800 овец и 500 ведер водки произвели свое действие. Татары пили за здоровье императрицы, кричали: «ура!» и «Алла!», скакали на лошадях, смешавшись с казаками и русскими. Два дня продолжался пир, на третий утром 30 июня ногайцы разъехались по степям, считая себя «друзьями» русских. Вместе с ними Суворов послал в степи офицеров, которые, под живым впечатлением торжества в Суворовском лагере, привели к присяге всех татар на местах. Чтобы закрепить окончательно за собой татар, русское правительство пустило в ход обычный прием, вербуя сторонников в высшем классе татар между мурзами и влиятельными ногаями. Многим из них даны были места в русской службе, одни произведены были в штаб-офицерские, а другие в обер-офицерские чины. Хану Шагин-Гирею была назначена пенсия по 200 000 р. в год. Край сразу был умиротворен. В декабре 1783 года была заключена конвенция с Турцией, в силу которой Турция отказалась от притязаний на Крым и Тамань, и границей между обеими державами была назначена р. Кубань.

Татары, однако, привыкшие к самостоятельности и всю жизнь свою кочевавшие и передвигавшиеся, не могли сразу стать в определенные русским правительством условия прикрепления к известной местности. Кочевать и передвигаться было еще куда; были еще за Кубанью, рядом с черкесскими владениями, свободные места, существовали и побуждения к объединению с черкесами на почве религиозного единства и одинаковых воззрений на набеги и «баранничество». Вслед за манифестом о покорении Крыма и Тамани, ногайский пристав подполковник Лешкевич доносил Суворову, что «едисаны, джамбклуки, касаетовцы, кайшатцы и каспулатовцы не перестают один другого грабить, скот отбивать и, где кому удача послужит, в свои аулы отгонять. Когда же, по мысли князя Потемкина, ногайские татары должны были переселиться еще дальше на восток, в уральские степи в соседство с киргизами, согласившиеся было на это татары в момент выселения подняли новый бунт.

Суворов, которому было поручено переселить на Урал ногайцев, действуя с обычным своим тактом и стремительностью, собрал ногайцев к Ейскому укреплению, разъяснил мурзам выгоды переселения ногайцев на вольный степи и разбил для удобства передвижения каждую орду на отряды или колонны, поручивши сопровождать каждую колонну русским войскам. Начальство над правым флангом передвигавшихся колонн поручено было Лешкевичу, а над левым полковнику Телегину. Сам Суворов следовал с казаками позади татар. Донцы с своей стороны выставили поголовное ополчение к границам передвижения татар в видах предосторожности.

Но когда весть о выселении татар при такой обстановке разнеслась по степям, то татары, естественно, были смущены. В массе раздался глухой ропот и опасение, что татар ведут в уральские степи на верную гибель. Татары с сожалением вспоминали о прежней своей независимости, а весть о том, что прежний хан Шагин-Гирей направился в Тамань и готов восстановить прежнее управление татарами, послужила поводом к открытому возмущению. Ночью 31 июля, отойдя около 100 верст от Ейского укрепления, татары бросили свои кибитки и скот, напали на войска подполковника Лешкевича и на орды, сочувствовавшие переселению. Вспыхнул ожесточенный бой, в котором было убито 1300 татар и 20 человек драгун и донских казаков, в том числе секунд-майор Прижневский и Масленицкий. Суворов поспешил с казаками на место сражения. Напрасно он уговаривал татар подчиниться переселению и успокоиться. Татары твердили, что они «рабы Императрицы», но имеют и своего хана, идущего к ним из Тамани. Тогда Суворов велел русским войскам принять выжидательное положение, чтобы выяснить намерения татар. 1 августа 10 000 джамбулуков отделились от остальных татар и повернули назад. На р. малой Ее они кинулись на роту Бутырского полка. Началась битва, в которой русскому отряду грозило окончательное истребление, но тут подоспели подкрепления из русских войск, и тогда, по выражению Суворова, «началась полная рубка татарам». Произошло действительно нечто ужасное, неподдающееся никакому описанию. Опрокинутые драгунами и казаками ногайцы бросились в болотистую речку, вязли в ней и поражаемы были пулями и картечью, столпившихся у реки татар рубили и кололи казаки и драгуны; арбы и имущество с яростно истребляли сами татары, чтобы не досталось оно русским; собственных женщин резали, а грудных детей вырывали у матерей и бросали в реку. Отчаяние было полное, и татары точно обезумели в этом ужасном бою. Убиты были предводитель татар Канакай-мурза, знатные татары и до 3000 человек черни. Со стороны русских было убито и ранено около 100 человек. Сражение, начавшееся на рассвете, окончилось в час пополудни. Русские войска преследовали побежденных на расстоянии 30 верст и отняли до 20 000 лошадей и рогатого скота, татары понесли невероятный урон людьми, скотом и имуществом.

Эта ужасная расправа русских войск с татарами в сильнейшей степени озлобила и остальных ногайцев. Во главе недовольных стал Тав-Султан, считавшийся до того приверженцем России. Он задумал возвести на ханский престол своего воспитанника Арслан-Гирея, брата Шагин-Гирея. Этим планом он привлек на свою сторону бывших его врагов – едисанских и едишкульских мурз и заручился обещаниями о помощи черкесов. Татары заранее условились при крике: «казанка!» броситься на русскую стражу, изрубить ее и направиться к Кубани и черкесам. Так они и сделали, напавши на казачью команду у р. Куго-Еи. Извещенные об этом донцы под начальством походного атамана Себрякова бросились в погоню за татарами, настигли их вечером 10 сентября у р. Куго-Еи, и снова было разбито здесь и жестоко поражено сильное скопище татар под предводительством пяти джамбулукских мурз. Несмотря на это, мятеж, однако, разгорался. Русская пехотная стража, находившаяся при ордах, была изрублена татарами вблизи Ейска. Тав-Султан нападал на малые отряды и громил их. Увлеченный этими успехами, Тав-Султан напал на Ейское укрепление, намереваясь взять его, но был отбит с значительным уроном русской пехотой и казаками под командой Лешкевича. Тогда Тав-Султан направился за Кубань, усилил свой отряд черкесами и закубанскими татарами и в августе снова осадил Ейск. Несколько раз он пытался взять это укрепление приступом, но не имел успеха и вынужден был удалиться навсегда за Кубань, боясь встретиться с войсками Суворова.

Так как выяснилось, что при возмущении татар участвовал прежний хан Шагин-Гирей, то князь Потемкин приказал его арестовать. Но Шагин-Гирей успел уйти за Кубань из Тамани раньше, чем посланная команда прибыла в этот город. После, когда усмирены были татары, Шагин-Гирею Потемкин разрешил возвратиться в Россию, и последний татарский хан был послан в Воронеж. Несмотря на значительную пенсию от русского правительства и жизненные удобства, Шагин-Гирей под влиянием тоски по утраченном престоле просил разрешения

отправиться в Турцию, рассчитывая, что турки не будут ему мстить за прошлое. Хан, однако, жестоко ошибся: лишь только он явился к своим единоверцам, как отдан был приказ сослать его на остров Родос, и здесь турки вероломно его задушили.

Между тем бегство Шагин-Гирея из Тамани к черкесам побудило Суворова ускорить поход против татар, укрывшихся за Кубанью по Лабе. Ночами с предосторожностями Суворов, распустивши слух о своем отъезде в Полтаву, пробрался к устью Лабы. Ночью 1 октября, с неменьшими предосторожностями, он переправил отряд через Кубань и на рассвете придвинулся к татарским аулам. Здесь вблизи урочища Керменчик, в 12 верстах от Кубани, произошло последнее сражение с татарами, самое ужасное по своим последствиям. Первыми бросились с пиками на татар донцы, за ними драгуны и гренадерский батальон. Через три часа битвы 2000 трупов усеяли окружающее войско пространство, аулы были сожжены, а к концу битвы на поле осталось более 5000 одних убитых. И казаки и солдаты одинаково не давали никому пощады – убивали, резали и кололи мужчин, женщин, стариков и детей. И здесь татары в отчаянии убивали своих жен и детей, чтобы избавить их от плена, а имущество уничтожали. Пожаром, кровью и трупами были обогреты последние потомки великой монгольской орды. Немного осталось татар на Кубани. Их место скоро заняли черноморские казаки. И только в треугольнике между изгибом Кубани и Лабы остались бессильные потомки когда-то страшных татар.

Как видно из рапорта генерала Якобия князю Потемкину от 22 февраля 1781 года, в это время хоперские казаки поселены уже были в Ставропольской и Александровской крепостях, но не получали жалованья с самого перевода их на линию. Якобий предполагал переселить по сто двадцать семей хоперцев в Московскую и Донскую крепости и дал льготу этим переселенцам; а для исходатайствования жалованья хоперцам послал к Потемкину полковника Устинова. Следовательно, хоперцы заселили первоначально не те места Кубанской области, т.е. Баталпашинский уезд, где живут их потомки в настоящее время, а ряд селений, примыкающих к городу Ставрополю и этот последний.

В следующем, 1782 году, на Линию, т.е. в восточную часть Северного Кавказа, вне пределов нынешней Кубанской области, прибыл генерал-поручик Потемкин. В своем рапорте от 8 ноября он сообщает князю Потемкину, что осмотр им крепостей Донской, Московской и Ставропольской привел его к мысли о необходимости поправления здешних укреплений. Кабарду новый командующий нашел в спокойном состоянии и решительно отказал кабардинцам, просящим его возвратить им тех «казаков», т.е. подвластных им кабардинцев, которые поселились близ русских крепостей, так как такое возвращение повлекло бы к «порабощению черни». В числе различных нужд по корпусу, Потемкин обращает внимание на присутствие в армии «нескольких людей, совершенно к службе неспособных». Указом Государственной военной коллегии было запрещено выдавать отставки, а между тем люди эти были положительно непригодны для несения службы. Генерал Потемкин просил князя Потемкина, не найдет ли он возможным поселить этих инвалидов на Линии.

Рапортом от 18 ноября 1782 года генерал Потемкин известил князя Потемкина, что он принял командование и над полками, принадлежавшими корпусу генерала А.В. Суворова.

Описывая в другом рапорте состояние полков, находящихся на службе по Линии, генерал-поручик Потемкин нашел, что «Хоперский полк крайне слаб и требует много попечения». Обусловливалось это, конечно, тем обстоятельством, что, во-первых, хоперцы только что переселились на Кубань, и во-вторых, не получали положенного для казачьих полков жалованья. Потемкин просил о скорейшем утверждении штатов полка.

В 1783 году, как известно, был заключен мир России с Турцией, о чем известил 1 декабря Шах-Али-паша генерал-поручика Потемкина. Шах-Али-паша назначен был на Кавказ султаном турецким и прибыл в Суджук-кале, так как, по его словам, «все, обретающиеся внутри Кубани, народы препоручены на полное мое распоряжение». Он обещал принять меры, чтобы

спокойно жили кавказские инородцы и не чинили воровства и набегов на русскую сторону, и просил о возобновлении торговых сношений и о выдаче перебежчиков.

Рапортом от 27 ноября 1782 года из крепости Ставрополя полковник Аршеневский донес генерал-поручику Потемкину, что на пикете у Темного леса к хорунжему Морозову явился посланный от паши из Суджук-кале Юзбаша с письмом. Письмо было послано к генералу Потемкину, а Юзбаша под благовидным предлогом задержан до выяснения содержания письма. Письмо оказалось от упомянутого выше паши Шах-Али, в котором он извещал о своем пребывании на Кавказе в качестве главного от турецкого султана начальника над закубанскими народами и просил поддерживать торговые сношения с черкесами и выдать перебежчиков, обещая, с своей стороны, держать в покорности черкесов.

На словах же Юзбаша передавал, что все закубанские владельцы присягнули султану, и в числе их многие татары. Но так как границей между турецкими и русскими владениями служила Кубань, то Аршеневский указал на то обстоятельство, что татары – русские подданные, хотя они и бунтуют и перекочевывают за Кубань. Потемкин поручил Аршеневскому ответить Юзбаше, что письмо отправлено высшему начальству, не входить с пашой ни в какие разговоры о границах и стоять на том, что татары русские подданные. Если же султан, помимо подвластного России Крымского хана, имеет какие-либо права в этом отношении, то по этому предмету Суджукскому паше следует снестись с русским Высочайшим двором.

В феврале 1783 года генерал Потемкин, письмом к известному стороннику России Казы-Гирею, указывал, что закубанские черкесы три раза нападали на русские посты. В первом случае они убили одного казачьего старшину и трех казаков, взяли в плен четырех и угнали 20 лошадей. Во втором убили одного казака и четырех ранили, и в третьем угнали более ста пятидесяти лошадей. Не желая поднимать оружия против закубанцев, Потемкин просил Казы-Гирея, чтобы он воспретил черкесам набеги и возвратил пленных и угнанных лошадей. На это письмо Казы-Гирей ответил, что у подвластных ему черкесов нет ни пленных, ни лошадей. Все же горцы, которые сделали набеги, не подчинены ему и взять у них пленных и лошадей он бессилён.

Рапортом от 21 февраля 1783 года генерал Потемкин сообщил князю Потемкину Таврическому, что находившийся в Суджук-кале турецкий паша подстрекает к неповиновению татар, обещая выстроить турецкую крепость в устье Лабы. А рапортом от 17 марта тот же генерал Потемкин известил князя, что «черкесские и ногайские народы» вели себя спокойно и что более 40 кибиток татар Гидисанской орды, ушедших в горы к черкесам, раскаялись и явились обратно в пределы русских владений.

Летом 1784 года, по распоряжению генерал-поручика П.С. Потемкина, построено было три крепости – Владикавказ у входа гор, на устье Борсуклов и вблизи устьев Урупа крепость Прочноокоп. Последние две оказались в местах, вошедших потом в Кубанскую область.

5 февраля 1786 года около 300 человек черкесов напали на редут при Овечьем Броде на Кубани. После неудачной конной атаки горцы спешились и сделали еще три приступа пешими, стараясь взобраться на стены. Казаки дали, однако, дружный отпор и четырех человек из нападающих убили, многих ранили пиками. Из защищавших казаков ранен только один.

7 февраля были замечены вблизи Прочноокопской крепости по дороге на Сингилеевский пост четыре конных следа. Для преследования черкесов из Прочноокопа был послан отряд в 35 казаков. Отряд нашел еще около 70 конских следов на переезде через Кубань в устье Урупа, а затем, подъезжая к реке около Сингилеевского поста, казаки наехали на спешившихся и конных закубанцев в ложине. Черкесы бросились к реке и скрылись в лесу на другой ее стороне.

На следующий день тех же горцев настиг другой отряд казаков, посланный на разведки из Володимирского редута. Черкесов было около ста человек. Отряд из Володимирского редута поспешил соединиться с прочноокопским отрядом и даль знать в ближайшие укрепления о

присутствии черкесов, и черкесы ушли. Но по дороге к Кубани наскочили на разъезд в 11 казаков, посланный из редута при Овечьем Броде. Казаки, благодаря «крайней худобе лошадей», не могли уйти от сильной партии черкесов, спешились и начали защищаться. Полдня они так отстреливались и, потерявши лошадей, все-таки не позволили черкесам взять их в плен, и горцы воспользовались только худыми и измученными казачьими лошадьми.

В особом рапорте генерала Потемкина князю Потемкину от 31 марта 1786 года командующий на Кавказе войсками, сообщая «о шалостях злодеев черкесов», указывал на слабый пункт охраны русскими войсками границ. Черкесы переправлялись через Кубань на русскую сторону у Темижбека на излучине Кубани, где она делает поворот на запад к Черному и Азовскому морям. Здесь, в промежутке между Линией и Черкасском, на расстоянии около трехсот верст, не было никаких команд, кроме небольшого количества казаков, перевозивших почту. Ввиду этого генерал-поручик Потемкин написал генерал-майору Розену, чтобы он передвинулся с порученными ему полками на р. Ею и к Карасуну и отсюда соединился бы непрерывной цепью с войсками корпуса генерала Потемкина. Это, по мнению последнего, поставило бы в лучшие условия защиту края и оборонительные действия. Помощь генерала Розена развязала бы руки командующему корпусом по отношению к абазинцам, кабардинцам, чеченцам, кумыкам и пр. Таким образом, лучшая защита от черкесских набегов прикубанских степей благоприятно повлияла бы и на дела Моздокской линии в пределах нынешней Терской области.

Очень трагическими последствиями окончилось столкновение казаков с черкесами 13 марта. На рассвете этого дня из Болдыревского редута дали знать полковнику донского полка Дьячкину о том, что многочисленная партия закубанцев перешла Кубань и направилась на русскую сторону. Полковник Дьячкин, отправивши нарочного к полковнику Муфелю, отрядил 80 человек казаков, под командой есаула Иштокина, для преследования неприятеля. В 20 верстах от крепости Донской, находясь у соляных озер, казаки заметили вдаль «дым и нечто темнеющееся». Отсюда было отряжено 5 казаков с есаулом Емельяновым для разведок. Подъезжая к подозрительному месту, Емельянов, по собственному его показанию, оставил казаков и начал сам подкрадываться. На четырехверстном расстоянии в лождине он заметил около 500 спешившихся закубанцев; но в то же время и неприятели его заметили. Севши на лошадей, они бросились всей толпой за Емельяновым. Емельянов начал наводить их на казачий отряд, но последний, вместо того, чтобы ждать в засаде неприятеля, двинулся навстречу.

Есаул Емельянов, оставшись вдаль в стороне, мог только наблюдать с вершины Кургана, как трагически завершилось это дело. На его глазах многочисленный отряд закубанцев перебил и переранил почти всех казаков. Емельянову осталось сделать одно – самому уйти, и он поспешил в свой полк. В ту пору, когда он прибыл в полк, пришло известие, что партия закубанцев переправилась обратно через Кубань у Темижбека. На другой день есаул Емельянов с шестью казаками был послан для осмотра места битвы. Здесь он нашел 43 казаков убитых и 7 раненых; все они были раздеты донага. Черкесских тел не оказалось, но все место было покрыто кровью. Судя по обилию крови и показаниям раненых казаков, черкесы купили свою победу дорогой ценой. Было и у них много убитых и раненых, но они увезли их с собой, захвативши остальных казаков в плен. Казаки «дрались с отчаянием», и черкесы только по собственным трупам могли овладеть всем отрядом.

Вот как передавал потом подробности боя казак Клим Голицын, участвовавший в резне и, будучи сильно израненным, кое-как добравшийся до безопасного редута. По словам Голицына, стычка казаков с горцами произошла иначе, чем описал ее находившийся вдаль и очевидно сильно струсивший есаул Емельянов. Черкесы бросились за казаками разведчиками не всей толпой, как передавал Емельянов, а только частью ее, примерно около 100 человек. Когда есаул Иштокин «ударил на них всей командой», черкесы, выстреливши из ружей, направились к балке. Казаки погнались за ними. В это время скрывавшаяся в балке другая, более многочисленная часть горцев успела забежать в тыл казачьему отряду. Казаки были окружены. «И

мы, – рассказывал Голицын, – хотя, видя большое число татар и всех в панцирях, оборонялись и многих из них на месте убили, а когда они смешались с нами, рубились, и я получил в голову саблей две раны и от истекшей крови сшиб меня обморок, и что после одного происходило, я не знаю. А очувствовавшись уже в ночи, услышал голос лежащих возле меня раненых же четырех человек, с какими и пролежал я до свету; а 15 числа, вставши по утру, усмотрел убитых человек до 30, да еще живых тяжело изрубленных четырех. А сколько увезено татарами, я знать не могу. С ранеными четырьмя казаками, с которыми я спал, вместе пошли к стороне Безопасного редута, и отошедши версты две, оные четыре казака за тяжелыми ранами от меня отстали, и я шел один вчерашний день и прошедшую ночь, расстоянием от того места верст 30 и сего числа (16 марта) прибыл в Безопасный редут».

Последующие потом известия, не согласные в некоторых частностях, подтверждали одно, что отряд с Иштокиным погиб в неравном бою и что, кроме оставшихся на месте убитых и израненных казаков, о последних, и в том числе о есауле Иштокине, не было никаких вестей. Предполагали лишь, что они уведены были черкесами. Вообще в эту пору черкесы, видимо, свободно хозяйствовали на русской стороне. Так, в одном месте разъезд из четырех казаков был настигнут черкесами, причем один казак был убит, двое в плен взяты, а третий бежал. Почти тогда же «близ Григорьевского редута шайка закубанцев ранила двух разъездных казаков». На другой день было произведено нападение на курьера, сержанта Ладогского полка Гоубта, и на двух донских казаков, ехавших из Черкаска с повозками полковника Кутейникова.

Более или менее значительными партиями черкесы пробирались далеко в глубь приейских степей. Полковник Лешкевич, стоявший лагерем в ейском укреплении, рапортом от 18 марта 1786 года донес генерал-поручику Потемкину, что партия черкесов в 55 человек из бжедухов, абазинцев, хатукаевцев ночью напала на пост, находящийся при устье малой Еи. Есаул Гурос с 50 казаками, бывшие на посту, «дали отпор». Предводитель черкесской партии, мурза, верхом на лошади вскочил с несколькими всадниками «в стан казаков», но, получивши две раны пиками и одну пулей, бросился вон из казачьего стана. Партия черкесов затем направилась вверх по Большой Ее.

По-видимому, она делала спешное отступление, так как в одном месте найдены были прирезанными три бывших в заводу лошади и утеранные три шапки и два башлыка. Прибывшие в то же время жители Лабы, ехавшие с товарами в Ейское укрепление, сообщили, что в вершине р. Сасыка, притока Еи, на них набросилась партия черкесов, ограбила их и угнала 18 лошадей. Торговцы заметили, между прочим, что на бурке, приспособленной на дрючках между двумя лошадьми, черкесы везли своего предводителя, но был ли он убит или изранен, не могли заметить. За партией черкесов был послан в погоню отряд донских казаков с полковником Ефремовым, но черкесы успели уже перебраться за Кубань.

15 марта приехавший из-за Кубани Мустафа Адобаша открыто заявил, что, несмотря на требование турецкого паши Аджи-Али, жившего в Суджук, и его каймакана Абдула-Аги, горцы намерены производить набеги на русские владения. Они решили направляться небольшими партиями и наметили для переправ урочище Кизилташ в устье Кубани и броды: Казачий юрт, Курки, Елгызагач при Копыле, Римский, Анчубульский, Ерджаганский, Казы-Тамальский, Усть-Кизляр, Киткенъ Ерсуканский, Токус-Тебельский, Алмалынский, Ченак-Берках, Адимейский, Шевкушский, Кунтемежский, Тюлькенский, Яблонский, Еленкешуский, Самецкий, Итамиш-Беокейский, Некийский, Сандыкейский, Устенский, Аджейпарский, Борсуковский, Джан-Гольдинский, Усть-Казбынский, Овчебродский, Усть-Еланчикинский, Аджирельский и Бабинский, всего 32 брода на пространстве 320 верст. Везде на этих бродах горцы умели перебираться через Кубань на русскую сторону. Алабаша в заключение добавил, что Аджи-Али паша ожидал в свое распоряжение от 6 до 7 тысяч войска, с помощью которого он должен удерживать черкесов от набегов, а раньше предполагалось даже будто бы послать сорокатысячную армию для тех же целей. Насколько откровенны были намерения турецкого

правительства, трудно сказать; но все время турецкие агенты не переставали волновать закубанских горцев и натравлять их на русских.

В апреле в верховьях Кубани произошло крупное дело между русскими войсками и абазинцами. Подполковник Мейендорф был послан с особым отрядом, в составе Бутырского полка, семи эскадронов Астраханского драгунского полка и ста казаками Донского Грекова полка, с артиллерией, для удержания подвластных России абазинцев от переселения в горы. Пройдя Зеленчук, отряд 6 апреля прибыл к абазинским селениям и здесь к нему присоединился отряд премьер-майора Рика. Начались переговоры, во время которых и потом особенно ночью абазинцы с семьями, имуществом и скотом двинулись в горы. На другой день около 10 часов утра показалось довольно значительное количество горцев, разъезжавших по горам. Русские придвинулись ближе к неприятелю. Началось сражение. В то же время с другой стороны показалась новая около 2000 толпа горцев. Неприятель на обеих позициях не выдержал артиллерийского огня и отступил к вершинам гор. Но в этот момент появилась третья толпа горцев, пытавшихся отрезать русскому отряду путь к отступлению в равнину. И эта часть горцев не выдержала пушечного и ружейного огня и стремительных атак конницы и вынуждена была ретироваться. Сражение продолжалось 7 часов, черкесов было около 6000 и урон с их стороны оказался значительным. В сражении участвовали кабардинцы из Джантемировых кабаков, абазинцы, темиргоевцы, мансуровцы и беслинеевцы, а руководил ими Султан-Гирей, у русских тоже выбыло из строя несколько убитых и раненых. Истощение от бескормицы лошадей и недостаток провианта заставил подполковника Мейендорфа отступить на другой день обратно к постоянным своим позициям.

Все эти неудачи русских и усиленная деятельность закубанских горцев объяснялись в известной мере системой ведения дела командовавшего корпусом генерала Потемкина. Последний, как командир корпуса, жил или в Астрахани, или вообще вдали от армии и мест ее операций. Из прекрасного далека он руководил делом путем переписки и канцелярщины. Притом же и военными способностями генерал не мог похвалиться. Схватывая отдельные эпизоды и, так сказать, мелочи боевых деяний корпуса, и разнося за них начальников частей, сам Потемкин не только уступал таким генералам, как Суворов, но и положительно лишен был способности обобщения мелочей и выработки, на основании их, общего плана. Таким образом, существо дела как бы ускользало от его внимания, и черкесы, пользуясь этим, беспрерывно тревожили население и русские войска. Притом же Потемкин был командующим корпусом, предназначенным для действий главным образом вне Кубанской области, а войска Таманского полуострова служили лишь чем-то придаточным, временно присоединенным к корпусу. Потемкин их не видел и в тех местах не бывал, а одного имени и чинов его, даже ордеров и предписаний, было недостаточно для такого горячего и прихотливого дела, как военное.

В 1787 году для заведования войсками Кубанской части прибыл генерал Текеллий, известный в русской истории незавидной ролью разорителя Запорожской Сечи. 9 сентября он донес из Ростовской крепости князю Потемкину-Таврическому о снаряжении порученной ему последним экспедиции за Кубань и об условиях снабжения войск провиантом, фуражом и подводами.

Пока генерал Текеллий готовил войска к передвижению, к нему стали поступать сообщения о том, что в Закубанье между горскими племенами идет брожение. В среде горцев ходили слухи о разрыве между Россией и Турцией и ожидаемой войне. Частью по этой причине, а частью по обычной склонности к грабежам горцы местами готовились к набегам и не скрывали своих намерений о том. Были единичные случаи нарушения черкесами русских границ. Одним словом, черкесы, как и всегда, довольно беззаботно строили планы предприятий, направленных на грабежи, проявление удали, захват скота и пленников, не предчувствуя той грозы, которая вскоре потом разразилась над их головами.

8 октября 1787 года Текеллий сообщал князю Потемкину, что он предписал генералам Иловайскому и Розену, чтобы с 13 октября они направились с подчиненными им войсками к Кубани по направлению к Тенишбекскому урочищу. Одновременно с ними должны были двинуться и войска Кавказского корпуса четырьмя отрядами – с правого фланга должен был переправиться через Кубань между Прочноокопом и Преградным станом отряд генерал-майора Елагина, при Кубанском редуте отряд генерал-майора князя Ратиева, между ними сам Текеллий с своим отрядом, а с левой стороны выше Кубанского редута полковник Ребиндер с отрядом. Все эти отряды снабжены были месячным провиантом. Экспедиция предпринималась самая внушительная.

Главными виновниками набегов на русские владения Текеллий считал племена, жившие между Кубанью и Лабой, куда и направлена была экспедиция.

13 октября перешли Кубань три колонны войск, а четвертая, состоявшая из войск генералов Иловайского и Розена, направлена была особо. 14, 15 и 16 октября войска двигались от Кубани в горы. Неприятель оставил множество поселений, и ни одна душа не осмелилась показаться русскому отряду. 17 октября русские войска подошли к Черным горам, за которыми шли уже снеговые горы. В то время на высотах показались абазинцы. Текеллий, отделивши два отряда, послал один к верховью малого Зеленчука, а другой на речку Аксаут. Стесненные со всех сторон и почти лишенные имущества, абазинцы первыми послали депутатов, прося о помиловании и изъявляя готовность принять подданство России. В то же время узнавши, что мусульманский пророк Мансур собирает горцев, генерал Текеллий 19 октября перешел Большой Зеленчук и двинулся в погоню за пророком. Отряд полковника Ребиндера был послан в вершину Большого Зеленчука, а сам Текеллий пошел вверх по р. Кефару. Неприятель, теснимый со всех сторон, побросал имущество и арбы и бежал еще далее на восток к р. Уруп. В это время один из приверженцев Мансура Асламбек, увидевши, что русские войска в своих преследованиях подошли к самым снеговым горам, перешел в подданство России со всем подвластным ему населением. 20 и 21 октября Текеллий преследовал горцев по Уруп. Узнавши, что Мансур с горцами находятся в ущельях снеговых гор в вершине Урупа, Текеллий послал туда отряд под начальством генерала князя Ратиева и сам двинулся также в верховья Урупа, а отряд генерала Елагина загородил дорогу со стороны р. Лабы. 22 октября большая часть приверженцев Мансура также вынуждена была принять русское подданство, а сам Мансур и братья его с немногими приверженцами бежали пешие через вершины снеговых гор в Закавказье. Повсюду убегающий неприятель бросал не только имущество, но стариков, детей и немощных. 24 и 25 октября войска выводили пленных из гор и истребляли жилища беженцев и темиргоевцев. Часть горцев, живших между Тегенями и Лабой, успели бежать за Лабу, но и туда был послан отряд генерала Розена.

Разгром горцев был полный и ужасный. Всеми отрядами, доносил Текеллий князю Потемкину, «сожжено деревень более трехсот арб, изысканных с остатком имения разбросанного войсками, нашли до четырех тысяч, а также весь хлеб, даже сокрытый в ямах не остался без истребления; а сено по полям до самой Лабы и где найдено приготовленным, даже по горам и повсеместно, где войска не обращались, преисполнено дыму и огня». Русские войска взяли в плен ногайских татар 717 семей, или 1858 душ мужского и 1622 души женского пола, абазинских семей Бибердова владения 200, семей, подвластных Батыр-Гирей Султану, – 30, подданных Кубанского мурзы Ислама Мурзина – 56 семей, разных других семей – 91, а всего, следовательно, 1094 семьи. Вместе с пленными было разыскано и отбито около ста человек русского населения. «Я считаю, – доносил Потемкину не без сознания своих заслуг Текеллий, – что не только закубанцам, но и прочим горским народам, до которых сведения о сей экспедиции достигнут, останутся навсегда в свежей памяти действия нашего в том краю оружия, и будут им примером от тех, на кого меч наш пал и которые до основания разорены».

Урок был дан действительно ужасный. Текеллий с грубой лестью доложил Потемкину: «Сия экспедиция Божьей помощью под предводительством Вашей Светлости столь счастлива и благоуспешна, что неприятель нигде не осмелился сделать сильного противления». Суровый к обыкновенным смертным и льстивый к начальству генерал забыл, что «предводительствовал», т.е. распоряжался истреблением неприятеля и его убогого имущества, не Потемкин, бывший от места военных действий за тысячу верст, а сам он, Текеллий, или, точнее, его сподвижники, направляемые перебежчиками из горцев. Отдельно от Текеллия действовали еще два отряда – отряд войскового атамана Донского войска генерала Иловайского и отряд барона Розена.

Отряд Иловайского в первый раз встретил горцев 22 октября за Лабой. Партия около двухсот человек была вытеснена донским полком Астахова из аула, а самый аул сожжен. 23 октября была замечена партия черкесов до 500 человек также на левом берегу Лабы. Это были махошевцы, жены и дети которых выселились пять дней тому назад в горы, а мужское население явилось за хлебом и для защиты жилищ. Четыре конных полка и один егерский батальон, переправленные за Лабу, вытеснили неприятеля из аула. Войска преследовали горцев на расстоянии 15 верст, сожгли аул, убили около 30 черкес, одного взяли в плен и захватили 45 быков с арбами, потерявши только одного тяжелораненого казака. Того же числа была разбита другая, около 200 или 300 человек, партия черкесов, потерявшая 4 человек убитыми. 24 и 25 октября казаки жгли аулы, уничтожали хлеб и сено. Горцев не было, и только случайно казаки на рассвете набрали на скопище горцев до 400 человек под начальством узденя Коргока. Неприятель и здесь был разбит, обращен в бегство, 25 человек осталось на месте, убит был и предводитель Коргока. Тогда же разъезд в 30 казаков был замечен черкесами. Около 200 человек их бросилось на казаков, казаки, рассчитывая на помощь, дали дружный отпор, и в перестрелке, пока подоспела помощь, убили 13 черкесов, потерявши с своей стороны одного убитого, одного пропавшего без вести и четырех раненых. 27 и 28 октября, по сообщению генерала Иловайского, казаки занимались сожжением аулов, «отысканием скрытых в деревнях вещей», сжиганием хлеба и сена и «истреблением чрезвычайного количества пчельников, что и было производимо с пагубной неприятелю исправностью». 29 октября часть войск проникла в верховья Лабы до снеговых гор, не встретивши нигде черкесов.

Отделенные Иловайским части под командой генерал-майора Загряжского и премьер-майора Лебедева также сожгли много аулов и разбили в одном месте партию в 500 человек горцев, а в другом «толпу».

Отряд подполковника Бузина имел неоднократные стычки с горцами, оканчивавшиеся поражением неприятеля, «с довольным числом побитых» и с потерей четырех раненых казаков. Отряд сжег 36 селений или аулов.

Спускаясь с гор по бассейну Лабы, отдельные части отряда Иловайского продолжали жечь аулы, хлеб и сено. 30 октября в одном из ущелий было замечено большое скопище черкесов. Посланные туда войска разбили неприятеля, положивши на месте до 50 человек, и преследуя бегущих горцев, убили еще 30 горцев. Взято было также в плен 2 горца и захвачено 200 голов рогатого скота и 43 лошади. Русский отряд потерял убитыми 4 человека и ранеными 15 человек.

31 октября казаки на обратном пути по Лабке продолжали жечь селения, и в один день отрядом полковника Иловайского сожжено было 60 аулов. Почти все аулы горцы пытались защищать, но безуспешно. В общем, при этих стычках было убито отрядом полковника Иловайского до 29 черкесов, а казаков 7 человек и 4 ранено.

1 ноября происходили лишь небольшие стычки, при которых горцы несли «чувствительный урон», а у казаков оказалось 3 раненых. Войска перешли на правый берег Лабы, к месту, с которого начались операции.

Из рапорта генерала Розена от 6 ноября 1787 года не видно, в каких местах действовал отряд и против каких горцев. Говорится лишь глухо, что при первом же появлении русских

войск «неприятель скрывался бегством, где только мог сыскать спасение, предоставляя в волю нашу все имущества и селения, которые без изъятия обращены огнем в пепел». На обратном пути вниз по Лабе отряд Розена был соединен с отрядом генерала Иловайского. Войска Розена жгли селения, хлеб и сено. «Полагаю, – говорит Розен, – более 100 (аулов) обращено в пепел, со всем принадлежащим к их довольствию хлебом и сеном, но я бы более мог предупредить к совершенному истреблению неприятеля, если бы следующее впереди Донское войско о том не предупреждало».

Наконец, независимо от всех перечисленных частей действовал еще особый отряд кабардинцев. В своем рапорте князю Потемкину Текеллий упоминает явившихся к нему кабардинцев, под предводительством бригадира Большого Горича. Он «дозволил» отправиться кабардинскому отряду за Лабу. В свою очередь бригадир Иван Большой Горич в рапорте Текеллию от 3 января 1788 года перечисляет следующие деяния отряда. Отряд, состоявший из сорока кабардинских князей, 2000 панцирной конницы и 3000 рядовых, перейдя Кубань, покорила 2000 дворов, подвластных Бобсхерским владельцам, именно: Устши Кячева, Хамурзе, Сулейману Лоовых и узденям Трамовым, отобрал у них русских пленных и взял в обеспечение покорности русскому правительству восемь аманатов. Половину покоренных кабардинцев переселили на правый берег Кубани, смежно с аулами Большой Кабарды, а другая половина должна была сама переселиться туда же с весны.

Следуя далее к р. Уруп, кабардинцы покорили 800 дворов башилбайцев, взяли у них шесть аманатов, отобрали своих пленных и привели к присяге на русское подданство. Еще далее кабардинцы покорили кипчаков, аульных татарских мурз с 2000 кибиток кочевых ногайцев, взяли двух аманатов и подписку на подданство России. Наконец, на р. Лабе кабардинцы покорили 1500 дворов бесленеевцев с подвластными им черкесами. Так как бесленеевцы считались в сродстве с кабардинцами, то за них поручились последние, причем бесленеевцы выдали пленников и дали письменное за печатями обязательство русскому двору.

В заключение кабардинский отряд, разведавши, что несколько турок с двумя татарскими султанами и тремястами абазинцев повезли в Суджук-кале две медных пушки, послали вдогонку отряд. Нагнавши за Лабой турок и абазинцев, отряд после короткого сражения отбил пушки и представил их вместе с 87 пленными по начальству.

Таким образом, кабардинцы, оставшиеся также всюду победителями, действовали совершенно иначе, чем русские войска. Они покоряли и водворяли, а не грабили и разоряли. Впрочем, надо прибавить, что кабардинский отряд был организован теми князьями и дворянами, подданные которых бежали из Кабарды за Кубань, и только в целях возвращения беглецов на родину и снаряжен был отряд Большого Горича.

Так закончилась беспримерная даже в истории Кавказа экспедиция. Генерал Текеллий выдержал от начала до конца свою роль и характер. Черкесы были не просто наказаны, а разорены и приведены в состояние нищенства. Грубая сила и непомерная жестокость были применены с неуклонной последовательностью. Незначительный промежуток времени отделял действия военного кумира Суворова от действий фронтового генерала Текеллия – и какая разница? В первом случае проявлялась несомненная гуманность, при строго военном плане, а во втором громадные военные преимущества обращены были исключительно на разрушение, на обращение имущества «в пепел», в жертву «огню и мечу».

Однако карательная экспедиция Текеллия далеко не имела тех устрашающих последствий, на которые рассчитывал самонадеянный генерал. «По свежей памяти» о ней горцы не оставили своих обычных приемов в отношениях к русским соседям, и как только открылась весна 1788 года, мелкие партии горцев и татар начали переходить Кубань и тревожить своими набегами русских. 13 марта партия черкесов, пробравшаяся из-за Кубани на р. Ею, захватила двух донских казаков, посланных в разъезд по черкасской дороге из редута Песчаных Копаней. В тот же день черкесы изрубили одного солдата Ладогского пехотного полка из числа

трех, сопровождавших двух возчиков, перевозивших смолу по черкасскому тракту, а остальных двух солдат и двух возчиков взяли в плен. Посланные в погоню русские команды лишь установили тот факт, что черкесы вышли из-за Кубани и ушли обратно за Кубань у Темижбека. 17 марта другая партия черкесов угнала у казаков Донского полка Кутейникова 25 лошадей, находившихся у Скрытного реданта. Посланная вновь за черкесами погоня проследила лишь, что черкесы перешли за Кубань в устьях Малаго Зеленчука.

Согласно распоряжению князя Потемкина, с апреля 1788 года Текеллий вновь начал готовить войска к походу. Несмотря на категорическое указание Потемкина идти на Анапу, Текеллий решил, что называется, разом двух зайцев убить. По его плану главные части отряда должны были перейти Кубань у р. Лабы, приблизительно у тех мест, где в предшествующем году закончила действия первая карательная экспедиция. Отсюда войска, передвигаясь по левому берегу Кубани и громя по пути черкесские аулы, направились к Суджуку и Анапе, которую собственно и надлежало взять. Особому отряду, под командой генерал-поручика Талызина, Текеллий приказал передвинуться из Ейского укрепления к Копылу для соединения с главным корпусом, прежде чем предполагалось обложить Анапу. Для перевозки провианта и боевых запасов, по условиям здешней местности, требовались волы, и Текеллий распорядился о снаряжении 1048 воловых фур из Бахчутской округи.

Между тем, несмотря на заверение генерала Текеллия, что никто из горцев «не отважится пролезть» на русскую сторону, черкесы не оставляли в покое русские войска. Именно 13 июня, в день, которым помечено упомянутое самонадеянное донесение Текеллия князю Потемкину в 1787 году, черкесы в значительном количестве прошли на Ею и здесь ночью угнали целый табун выючных лошадей у четвертого батальона Кубанского егерского корпуса и казачьего Донского Голова полка. Когда черкесы начали угонять лошадей, по тревоге на место действия поспешил подполковник Ребиндер с батальоном солдат и казачий полковник Голов с конницей, и хотя по официальному донесению, черкесы «бросались от страха почти без памяти, оставя его, Ребиндера, победителем», но лошади были угнаны. Мало того, дорогой к Кубани часть черкесов, около 250 человек, захватила в урочище Чумбур табун лошадей и рогатый скот у кочевавших здесь татар Баязет-бей мурзы. Последний, собравши татар, быстрым движением прогнал черкесов и отнял у них весь свой скот. С своей стороны полковник Голов успел перерезать путь черкесам у р. Еи, наказавши здесь хищников. В общем, по официальным сведениям, было убито черкесов егерями около ста человек, казаками 41 человек и татарами 30 человек; на месте первого сражения подобрано 73 трупа и часть черкесов потоплена была казаками в р. Ее. При переправе горцев через эту реку казачий сотник Горшечников заколол предводителя партии Али-бея мурзу, считавшегося у черкесов первым наездником и храбрейшим из черкес. По рапортам Ребиндера и Голова и по словам плененных черкесов, было от 5 до 6 тысяч человек, вышедших из окрестностей Анапы и Суджук-кале.

К выступлению в поход в Закубанский край предположено было двинуть 15 851 человек, считая в том числе и строевых офицеров, и 18 684 человек оставалось на местах при отрядах и по крепостям. Пятнадцатитысячная армия снабжена была 8-ю двенадцатифунтовыми пушками и 9 единорогами полевой артиллерии, 23 полковыми орудиями и 13 батальонными, а всего, следовательно, 53 пушками. К 27 августа все войска были придвинуты к Кубани, но дальнейшее движение тормозило отсутствие погонщиков и арб, непомерные разливы Кубани, Лабы и др. рек.

В сентябре войска были за Кубанью и начали свои действия. Однако шествие генерала Текеллия на этот раз было далеко не таким торжественным и победоносным, как в походе 1787 года. Густые леса и болотные места мешали движению армии, скрывая и защищая неприятеля. Неприятель также не бежал от русских войск и не оставался в бездействии. Русские войска встречали отпоры и противодействия. 25 сентября Текеллий с войсками передвинулся на р. Убин.

В числе других разведочных отрядов был послан отряд под командой полковника Мансурова для осмотра густого леса. Отряд подошел к этому лесу на рассвете 26 октября. В это же время начали показываться небольшими партиями горцы. Завязалась перестрелка. Количество горцев росло быстро, и неприятель начал окружать Мансуровский отряд. Вдруг появились турки, «наскакивая», по выражению Текеллия, на русские войска. На позиции вывезены были турецкие пушки. Завязался горячий бой, во время которого количество горцев все увеличивалось и увеличивалось. Бой длился с раннего утра и до 9 часов вечера. Черкесы и турки почти окружили русский отряд.

Мансурову послано было сильное подкрепление. Войска были присланы вовремя, и черкесы с турками отступили. Но и черкесы с турками выказали свою силу. Особенно ожесточенно дрались горцы. Черкесские панцирники переезжали реку и бросались на казаков у главного каре. После боя русские нашли в разных местах более двухсот пятидесяти неприятельских тел. Взято было также одно турецкое знамя. По показаниям пленных, в битве участвовало до 8000 черкесов и 2500 турок под командой Мустафы паши, недавно приехавшего из Турции на фрегате в Анапу. Те же пленные показали, что будто бы убитых у неприятеля было 1500 человек, и в том числе до 700 одних турок. То же подтвердил потом ушедший из плена грузин. Со стороны русских, по сообщению генерала Текеллия, было убито только 28 нижних чинов и ранено 205 нижних чинов и четыре офицера.

Двигаясь к Черному морю, 8 октября русские войска были на р. Кодак, а 10-го прибыли к Кубанскому лиману и остановились здесь лагерем.

14 октября Текеллий отправил для рекогносцировки морского берега и окрестностей крепости Анапы два отряда – один под командой генерал-майора Шевича и другой полковника Германа. Вблизи Анапы оба отряда были встречены многочисленными толпами черкес, подкрепленных войсками анапского гарнизона. Канонада открыта была неприятелем с крепости, откуда потом выведены три батареи. Сражение продолжалось с 9 часов утра до 3 часов пополудни. Русским посланы были сильные подкрепления, и к концу боя прибыл со своим отрядом генерал-поручик Талызин. Со стороны неприятеля в деле участвовало до 6 тысяч горцев и анапский турецкий гарнизон.

Дело окончилось ничем, но рекогносцировка показала, что Анапа имела сильную артиллерию и значительный гарнизон. На этот раз самонадеянный Текеллий попал впросак. Не покоривши за Кубанью черкесов и совершивши крайне трудный и дорого стоивший, по выражению этого генерала, «марш» с войсками до Черного моря, а главное, упустивши удобное время для военных действий, он повернул назад, ограничившись рекогносцировочным боем, в котором сам почему-то не участвовал, так и не взявши Анапы.

«Не предвидя пользы сию крепость взять штурмом, – рапортовал он князю Потемкину, – имея в виду, что взятую крепость пришлось бы бросить, тем более что она крепость вовсе не входит в связь Кавказской линии, за поздним временем и недостатком провианта, простояв в виду Анапы трое суток, истребляя все ногойские селения около Черного моря и лимана, принял (я, Текеллий) обратный путь». Гора мышь родила. Князь Потемкин, желая ослабить силы турок, совершенно верно наметил блокаду Анапы и Суджука, из которых первая, помимо значения первоклассной турецкой крепости, служила связующим центром для разрозненных черкесских племен. В этих целях были собраны все кавказские войска в западной части Кавказа, двинуты были войска, расположенные по Дону и в Екатеринославской провинции, потребована Воронежская провинция, Бахмутская округа и пр., пр. И все это затем, чтобы генерал Текеллий упустил, в бесконечных приготовлениях, удобный момент для военных действий, совершил ненужный кружной путь к Анапе, испытал по пути вместо разгрома черкесов ряд затруднений и неудач и, подойдя к Анапе, отказался в решительный момент от взятия этой крепости, совсем не увидев даже Суджука! Как ни красноречиво объяснял Текеллий столь неожиданный исход экспедиции, двух фактов нельзя было утаить: явной неспособности гене-

рала, создавшего нелепый план проведения без нужды армии по горам за Кубанью, и безрезультатных потерь людьми и материальными средствами.

В сущности, вся затеянная Текеллием военная шумиха объяснялась довольно просто. В первый свой поход на Лабу в 1787 году Текеллий считал себя грозным победителем, и ту же роль хотел он играть, двигаясь за Кубанью по направлению к Черному морю. Но в первом случае были кабардинцы и горцы-предатели, которые в качестве проводников вели всю экспедицию на веревочке, а во втором их не оказалось. В первом случае пришлось иметь дело с относительно ограниченным районом, а во втором потребовалось проходить по более обширным и малоизвестным пространствам. В первом случае противниками были хотя и горцы, но среди своей хозяйственной обстановки, при полном отсутствии крепостей, во втором горцы умели пользоваться густыми лесами, крутыми берегами рек, узкими проходами между болотами и пр., чтобы тормозить движение войск, а главное, за спиной у горцев была крепость Анапа, турки и артиллерия. – И вот грозный генерал, стяжавший себе военную славу на таких случайных и сомнительных подвигах, как разрушение Запорожской Сечи и разорение черкесов и татар по Лаббе, на этот раз показал себя таким, каким он был в действительности, т.е. бездарностью. На этот раз Текеллию нечем было бахвалиться, и он не решился рапортовать о победах, одержанных «под предводительством» Потемкина, сидевшего в Крыму.

Так неожиданно обнаружил свою действительную цену генерал-поручик Текеллий. И князь Потемкин, и императрица Екатерина остались крайне недовольны его неумными действиями. Текеллий был удален и на его место назначен граф Салтыков.

С назначением графа Салтыкова на Кавказ имелось в виду образовать особую армию, в состав которой входил один четырехбатальонный пехотный полк, десять двухбатальонных, два егерских корпуса, три конных карабинерных полка, четыре драгунских полка, шесть казачьих донских полков, один – уральских казаков, местные казачьи войска и калмыцкое войско. По делам хозяйственным Салтыкову предоставлено было право непосредственных сношений с Военной коллегией, а по военным действиям главнокомандующий должен был сообразоваться с указаниями и руководством князя Потемкина. Как человека независимого и занимавшего видное положение при дворе, графа Салтыкова не соблазняло такое зависимое положение, и он не спешил к армии, несмотря на неоднократные напоминания об этом императрицы.

В конце мая 1789 года турки высадились на восточном берегу Черного моря и заняли пятитысячными отрядами крепости Анапу и Суджук. Опасаясь, чтобы турки не овладели Таманским полуостровом и не завязали отсюда связей с крымскими татарами, Потемкин-Таврический распорядился, чтобы Кубанский корпус был расположен на Таманском полуострове, а часть Кавказского корпуса была придвинута ближе к Кубани. Вследствие этого войска были распределены по Кубани следующим образом: в устье Лабы был поставлен отряд из 4-х батальонов, 8 эскадронов, 300 казаков при двух орудиях под командой генерал-майора Булгакова; при Темижбеке несколько меньшего состава отряд бригадира Депрерадовича; у Недреманного поста отряд генерал-майора Плагина; у Невинного мыса отряд бригадира Германа; наконец у Песчаного Брода расположился с 4 батальонами пехоты, 3 эскадронами кавалерии, 300 казаков и двумя орудиями сам Текеллий.

В июле на Кавказ прибыл новый главнокомандующий граф Салтыков, но он, не успевши ознакомиться с положением дел, был назначен командовать армией против шведов. Екатерина Вторая предоставила князю Потемкину назначить на Кавказ командующим войсками кого-либо из подчиненных ему генералов.

До назначения нового командующего старшим лицом в армии числился генерал-поручик Бибииков, заступивший таким образом фактически место командира в конце 1789 года. Узнавши, что турецкий султан Селим III отправил фирман лжепророку Мансуру о возбуждении горцев против России, Бибииков, под влиянием ложных сведений, сообщенных ему анапскими армянами, решил предпринять экспедицию в горы и с этой целью снарядил отряд в

7609 человек. В суровое зимнее время, 10 февраля 1790 года, он по льду перевел войска через Кубань и направил их во владения махошевцев. Горцы бросили свои жилища и скрылись в горы. Черкесы, жившие на Лабѣ, изъявили покорность. Отсюда отряд двинулся к темиргоевцам.

Но по мере того как войска углублялись в горы, горцы стали оказывать все большее и большее сопротивление. Под влиянием Мансура и турок они в свою очередь перешли в наступление, окружили отряд со всех сторон, появлялись с тыла, а впереди устраивали завалы и преграждения из срубленного леса. Отряд очутился в критическом положении. Сражаясь ежедневно с многочисленными партиями неприятелей, русские войска шли без дороги и проводников, по снегу и в стужу. Провиант и фураж были в недостатке; воду часто приходилось добывать нагреванием снега в солдатских котелках. Черкесы угоняли всюду скот и истребляли все, что могло служить продовольствием для людей и лошадей. Когда вышли сухари, пришлось резать обозных лошадей и довольствоваться солдат одним лошадиным мясом. Только в некоторых аулах были найдены запасы проса, не истребленного черкесами. 15 марта отряд подошел к ущельям, которые выходили на равнину к Анапе, а 16 марта, вблизи р. Шебше турецкий двухбунчужный Мустафа-паша с 2000 человек преградил русскому отряду дорогу. После непродолжительного боя турки отступили, но затем четыре дня подряд войска выдерживали непрерывные стычки с неприятелем, пока 21 марта отряд Бибикова не занял сел. Заны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.